

Российская академия наук
Институт восточных рукописей
(Азиатский Музей)

Адрес учредителя: 191186,
г. Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., д. 18.
Адрес редакции: 191186,
г. Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., д. 18.
Адрес издателя: 191186,
Санкт-Петербург, д. 18.
Тел.: +7 (812) 315-87-28
<http://orientalstudies.ru>
mongolica@orientalstudies.ru
kulgan@inbox.ru
dnosov@mail.ru

Регистрационный номер
свидетельства о регистрации
средства массовой информации
ПИ No ФС77-79202
от 22 сентября 2020 г.

Издание осуществлено
при финансовой поддержке
РНФ и Кабинета Министров
Республики Татарстан в рамках
научного проекта № 23-28-10046
и в соответствии с Программой
стратегического академического
лидерства Казанского
(Приволжского) федерального
университета.

ISSN 2311-5939

DOI 10.48612/IVRRAN/dxft-p694-b1d7

MONGOLICA

Санкт-Петербургский журнал монголоведных исследований

Том XXVI • 2023 • № 4

Выходит 4 раза в год

Издается с 1986 г.

Учредитель: ФГБУН

Институт восточных рукописей РАН

Посвящается 155-летию со дня рождения
бурятского ученого и просветителя
Базара Барадиевича Барадийна (1878–1937)

Редакционная коллегия:

- И. В. Кульганек, *главный редактор, доктор филологических наук (Россия)*
Д. А. Носов, *секретарь редколлегии, кандидат филологических наук (Россия)*
М. А. Козинцев, *помощник секретаря (Россия)*
Г. Билгуудэй, *доктор филологических наук (Монголия)*
А. Бирталан, *доктор наук (Венгрия)*
Р. М. Валеев, *доктор исторических наук (Россия)*
Л. С. Дампилова, *доктор филологических наук (Россия)*
И. В. Зайцев, *доктор исторических наук, профессор РАН (Россия)*
Ж. Легран, *доктор наук, профессор (Франция)*
В. Капишовска, *доктор наук (Чехия)*
Э. Мунхцэцэг, *кандидат филологических наук (Монголия)*
С. Л. Невелева, *доктор филологических наук (Россия)*
К. В. Орлова, *доктор исторических наук (Россия)*
М. П. Петрова, *кандидат филологических наук (Россия)*
Р. Поп, *доктор наук (Румыния)*
Ц. Саранцацрал, *доктор филологических наук (Монголия)*
Т. Д. Скрынникова, *доктор исторических наук, профессор (Россия)*
С. Чулуун, *академик МАН (Монголия)*
Е. Э. Хабунова, *доктор филологических наук (Россия)*
Н. Хишигт, *кандидат исторических наук (Монголия)*
Н. С. Яхонтова, *кандидат филологических наук (Россия)*

Оригинал-макет – М. В. Алексеева

Литературные редакторы и корректоры – Д. А. Носов, И. В. Кульганек

Технический редактор – М. А. Козинцев

Подписано в печать 11.12.2023

Формат 60×90 1/8. Объем 10 печ. л. Заказ №

Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Свое издательство»,

Адрес типографии: 191040. Санкт-Петербург. Пушкинская ул., 4.

e-mail: editor@isvovoe.ru

12+

© Институт восточных рукописей РАН
(Азиатский Музей), 2023

© Коллектив авторов, 2023

В НОМЕРЕ:

Т.В. Ермакова. Жизненный путь и научные труды Базара Барадиевича Барадийна (1878–1937) 5

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

Балжинням Дэмбэрэлмаа. Сопоставительный анализ концепта «Душа/Сэтгэл» на материале толковых словарей русского и монгольского языков..... 13

О. К. Баваева. О переводе двух стихотворений Д. Н. Кугультинова..... 23

Бадамжав Батжаргал. Магсар Хурцын Дугаржав (1893–1946) – первый монгол, изучивший европейскую нотную грамоту (*Пер. с монгольского и подготовка к печати М. П. Петровой*)..... 29

СМЕЖНЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ

С. Л. Бурмистров. Понятие пустоты в Йогачаре..... 37

Р. Н. Крапивина. Ачарья Камалашила о Пути Махаяны согласно Сутре Сердца..... 48

А. С. Сараев. Сколько этносов «тюрк» существовало в эпоху тюркских каганатов? (Три концепции С. Г. Кляшторного и незамеченная концепция Л. Н. Гумилева) 54

А. Н. Базанов, К. А. Бекетов, Н. К. Бекетова, А. Б. Гришин, Ли Чжуанчжи. Опыт перспективного конструирования межкультурных коммуникаций. Отчет о работе в провинции Гуандун (КНР) в июне 2023 г.) 74

ИЗ АРХИВОВ ВОСТОКОВЕДОВ

Т. Д. Скрынникова, Н. С. Яхонтова. Неопубликованный доклад академика Б. Я. Владимирцова (1931 г.) 81

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Т. В. Ермакова. Конференция «Актуальные проблемы буддологических и индологических исследований – 14, 15» (Санкт-Петербург, 20 марта и 28 июня 2023 г.) 106

РЕЦЕНЗИИ

К. В. Орлова. Рец. на: Лепехов С. Ю. Формирование религиозно-философских и логико-эпистемологических концепций буддизма Махаяны / отв. ред. Б. В. Базаров. – Иркутск: «Оттиск», 2022. – 376 с. (Series “Pax buddhica”) 110

Е. П. Островская. Рец. на: Болтач Ю. В. Культы и практики раннего корейского буддизма в сюжетах «Самгук Юса». — Санкт-Петербург: ИД «Гиперион», 2023. — 464 с. 114

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of Oriental Manuscripts
(Asiatic Museum)

MONGOLICA

Saint Petersburg journal for Mongolian studies

Vol. XXVI • 2023 • No. 4

The journal is published four times a year.

Published since 1986

Founder: Federal State Institution of Science
Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy
of Sciences

**Dedicated to the anniversary of Russian scholar and
educator from Buryatia Bazar Baradievich Baradiin
(1878–1937)**

191186, Russian Federation
Saint Petersburg,
Dvortsovaya Emb., 18
Phone: +7 (812) 315-87-28
<http://orientalstudies.ru>
mongolica@orientalstudies.ru
kulgan@inbox.ru
dnosov@mail.ru

Editorial board:

I. V. Kulganek — *editor-in-chief, D. Sc. (Philology),
Russian Federation*

D. A. Nosov — *secretary, Cand. Sc. (Philology),
Russian Federation*

M. A. Kozintcev — *assistant secretary, Russian
Federation*

G. Bilguudei. *D. Sc. (Philology), Mongolia*

A. Birtalan. *Ph. D., Hungary*

S. Chuluun. *Academician of the Mongolian Academy
of Sciences, Mongolia*

L. S. Dampilova. *D. Sc. (Philology), Russian Federation*

J. Legrand. *D. Sc., Professor, France*

V. Kapishovska. *Ph. D., Czech Republic*

E. E. Khabunova. *D. Sc. (Philology), Russian Federation*

N. Khishigt. *Ph. D. (History), Mongolia*

E. Munkhtsetseg. *Cand.Sc. (Philology), Mongolia*

S. L. Neveleva. *D. Sc. (Philology), Russian Federation*

K. V. Orlova. *D. Sc. (History), Russian Federation*

M. P. Petrova. *Ph. D. (Philology), Russian Federation*

R. Pop. *Ph. D., Romania*

Ts. Sarantsatsral. *D. Sc. (Philology) Mongolia*

T. D. Skrynnikova. *D. Sc. (History), Russian Federation*

R. M. Valeev. *D. Sc. (History), Russian Federation*

N. S. Yakhontova. *Cand. Sc. (Philology), Russian
Federation*

I. V. Zaytsev. *D. Sc. (History), Professor of the Russian
Academy of Sciences, Russian Federation*

ISSN 2311-5939

DOI 10.48612/IVRRAN/dxft-p694-b1d7

© Institute of Oriental Manuscripts RAS

(Asiatic Museum), 2023

© Group of authors, 2023

IN THIS ISSUE:

Tatiana V. Ermakova. The biography and scholarly works by Bazar Baradiin (1878–1937) 5

MONGOLIAN STUDIES

Baljinyam Demberelmaa. Comparative analysis of the concept “Soul/Setgel” based on the explanatory dictionaries of Russian and Mongolian languages 13

Olga K. Bavaeva. About two translated versions of poems by David Kugultinov 23

Badamzhav Batjargal. Magsar Khurtsyn Dugarzhav (1893–1946) – the First Mongol to Study European Musical Notation System (*Translated from Mongolian into Russian and prepared for publication by Maria P. Petrova*)..... 29

RELATED DISCIPLINES

Sergey L. Burmistrov. The concept of emptiness in Yogācāra 37

Raisa N. Krapivina. Acharya Kamalashila on Mahayana Path according to the Heart Sutra 48

Andrei S. Saraev. How many ethnic groups named “Turk” existed in the period of the Turkic khaganates? (Three concepts of S. G. Klyashtorny and one overlooked concept of L. N. Gumilev)..... 54

Andrey N. Bazanov, Konstantin A. Beketov, Natalya K. Beketova, Alexander B. Grishin, Li Zhuangzhi. Experience in prospective design of intercultural communications. Report on work in Guangdong province (PRC) in June 2023..... 74

ARCHIVES OF MONGOLIAN STUDIES

Tatiana D. Skrynnikava, Natalia S. Yakhontova. Unpublished report by Academician B. Ya. Vladimirtsov (1931) 81

REVIEWS

Tatiana V. Ermakova. The 14–15th conference “Current issues of buddhological and indological studies (St. Petersburg, March 20, July 28, 2023) 106

Keemya V. Orlova. Rev. of the book: Lepekhov S.Yu. The Formation of the Religious-Philosophical and Logical-Epistemological Concepts of Mahāyāna Buddhism / Ed. by B. V. Bazarov. Ulan-Ude: Impression, 2022. 376 p. (Series “Pax buddhica”)..... 110

Helena P. Ostrovskaja. Rev. of the book: Boltach, Iuliia V. Cults and practices of early Korean Buddhism in the narratives of Samguk Yusa. St. Petersburg: Hyperion, 2023. — 464 p... 114

УДК 001.32

DOI 10.48612/IVRRAN/8572-zx2f-p4ak

Т. Д. СКРЫННИКОВА, Н. С. ЯХОНТОВА
Институт восточных рукописей Российской академии наук

НЕОПУБЛИКОВАННЫЙ ДОКЛАД АКАДЕМИКА Б. Я. ВЛАДИМИРЦОВА (1931 г.)

В Санкт-Петербургском филиале Архива РАН среди материалов Сектора истории и экономики Института Востоковедения АН за 1931 г. хранится машинописная расшифровка стенограммы доклада «Памятники монгольского права как материал монгольского феодализма», сделанного академиком Б. Я. Владимирцовым 24 апреля 1931 г. на заседании Сектора. В 1930 г. Азиатский Музей был преобразован в Институт Востоковедения, перед которым поставили новые задачи. Работа Сектора концентрировалась на изучении истории докапиталистических формаций Востока на основе марксистской методологии. С одной стороны, в 1930–1931 гг. Б. Я. Владимирцов занимался переводом и подготовкой к изданию памятника монгольского права — *Халха Джирум*. Об этом свидетельствует его отчет в феврале 1931 г. и сделанный им доклад — это его отчет о проделанной работе, с другой стороны, рассмотрение известного монгольского свода законов с точки зрения его значения для исследования монгольского феодализма, могло быть вызвано необходимостью учитывать новые требования времени, а не позицией ученого. Ответ на этот вопрос дает публикуемый доклад, в котором сообщается, что уже в 1914 г. Б. Я. Владимирцов говорил о монгольском феодализме на заседании Факультета Восточных языков. Тогда его идеи были восприняты критически, но Б. Я. Владимирцов не оставил мысли доказать наличие феодализма у монголов, что в результате привело к появлению его известной монографии «Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм». Основной темой доклада Б. Я. Владимирцова является ответ на вопрос: «к какой социально-экономической формации принадлежит тот строй, который на наших глазах рухнул в Северной Монголии; в какой мере монгольский строй можно назвать феодальным?». В доказательство того, что Монгольская империя Чингис-хана являлась феодальной, он приводит материалы памятника монгольского права — «кодекс монголо-халхаских законов трех хошунов», а также других источников («Сокровенного сказания», летопись Рашид-ад-дина, записки европейских путешественников). По его мнению, источники XVII в. «искажили историю», но свидетельством эволюции социального строя может служить свод законов — «кодекс монголо-халхаских законов трех хошунов». Б. Я. Владимирцов приводит примеры, доказывающие, с его точки зрения, наличие феодальных отношений в Монголии, и считает, что уже с XVII в. у монголов началось разложение феодализма, чему способствовало и маньчжурское правительство.

Ключевые слова: Б. Я. Владимирцов, Монголия, общественный строй, феодализм, халхаский свод законов, Халха Джирум.

Об авторах:

Скрынникова Татьяна Дмитриевна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующая отделом Центральной и Южной Азии, Институт восточных рукописей РАН (Россия, Санкт-Петербург). (skryta999@mail.ru) ORCID 0000-0002-0674-2764.

Яхонтова Наталия Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник, сектор Центральной Азии отдела Центральной и Южной Азии, Институт восточных рукописей РАН (Россия, Санкт-Петербург). (nyakhontova@mail.ru) ORCID 0000-0003-2397-9138.

© ИВР РАН, 2023

© Скрынникова Т.Д., 2023

© Яхонтова Н.С., 2023

Текст этого доклада был случайно обнаружен Н. С. Яхонтовой в Архиве (СПбФ АРАН. Ф. 152. Делопроизводство института) среди других материалов Сектора истории и экономики ИВ АН (Ед. хр. 205). Документ представляет собой машинописную расшифровку сте-

нограммы доклада «Памятники монгольского права как материал монгольского феодализма», сделанного Б. Я. Владимирцовым 24 апреля 1931 г. на заседании Сектора.

Тема «Публикация памятников монгольского права XVIII–XIX вв.» стояла в плане

работы Б. Я. Владимирцова в 1930–31 гг.¹ В 1932 г. монгольский кабинет предполагал разрабатывать коллективную тему (под руководством Б. Я. Владимирцова) «Происхождение монгольского феодализма и роль феодальных пережитков в революционной перестройке».² Таким образом, доклад Б. Я. Владимирцова, с одной стороны — это краткий отчет о проделанной им работе, а с другой стороны, предложенный анализ феодализма в Монголии, укладываемый в тематику работ Института, предлагает направление дальнейших исследований на основе новых установок.

В контексте того, какое место занимает данный доклад в научном наследии Б. Я. Владимирцова и каково его значение для изучения общественных формаций в Монголии, надо сказать о целях и задачах работы Института в этот период и о Секторе, на заседании которого делался доклад. Год 1931 — это первый год, когда бывший Азиатский музей, а с 1930 г. — Институт востоковедения АН, начал выполнять исследовательский план по новым установкам для нового научного учреждения. Вместо сбора и описания рукописей — основного направления деятельности Азиатского музея, перед Институтом были поставлены более широкие задачи. В записке, подготовленной для Президиума АН СССР в октябре 1931 г., написано: «Основная работа Института Востоковедения АН протекает в области изучения истории и экономики, литературы и языковых проблем Советского и Зарубежного Востока. Институт ставит себе задачей подготовку кадров марксистов-востоковедов» [СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 199. Л. 2]. У Института появи-

¹ В промежуточном отчете, помеченном 1 февраля 1931 г., Б. Я. Владимирцов написал: «Переписан и подготовлен к печати монгольский текст *Kalka Zirum* [Халхаское степное уложение] — важный памятник по истории монгольского феодализма. Продолжается работа по переводу его на русский язык и по исследованию» [СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 222. Л. 24].

² Очевидно, что план работ Монгольского кабинета на 1932 г., составлялся до августа 1931 г. (дата смерти Б. Я. Владимирцова). Эту тему предполагалось «разрабатывать монгольским кабинетом под руководством академика Б. Я. Владимирцова при участии Лен[инградского] Восточного Ин[ститу]та им. А. С. Енукидзе. Срок — июль 1932 года.» [СПбФ АРАН. Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 245. Л. 11].

лись новые темы, по которым предполагалось вести исследования на основе марксистского учения. Была определена широкая проблематика, в частности, исторических исследований: «Перевод и издание исторических документов», «Изучение феодализма зарубежного Востока» и др.³ В этих рамках формулировались темы сотрудников по конкретным странам и периодам.

Одновременно с преобразованием Азиатского музея в Институт изменилась и структура учреждения. В 1931 г. в нем функционировали три сектора и десять кабинетов⁴. Сектором истории и экономики заведовал академик С. Ф. Ольденбург⁵ (он же был директором Института), и это свидетельствует об особой важности этого Сектора для Института. На ежемесячных заседаниях ученые Института выступали с научными докладами, в первую очередь, по вопросам социально-политической истории (А. Ю. Якубовский⁶ «Феодализм в Средней Азии в X в.в.», ак. Н. И. Конрад⁷ «Рабство в древней Японии и кодекс Тайхоре (701 г.)», И. А. Бейер⁸ «Сообщение об одном персидском историческом источнике

³ Например, «Изучение остатков докапиталистических формаций на Востоке»; «Изучение истории народов СССР с точки зрения колониальной политики партии»; «Изучение колониальной политики империалистических держав»; «История революционных и национальных движений в странах Востока» [СПбФ АРАН. Ф. 152. Ед. хр. 168. Лл. 1–2].

⁴ Три сектора: Истории и экономики, Литературоведения и языкознания, Подготовки кадров. Кабинеты: Кавказский, Среднеазиатский, Турецкий, Персидский, Арабский, Еврейский, Индо-Тибетский, Монгольско-маньчжурский, Китайско-Тангутский, Японо-Корейский [СПбФ АРАН. Ф. 152. Ед. хр. 199. Л. 2].

⁵ Ольденбург Сергей Федорович (1863–1934) — индолог, иранист, исследователь Центральной Азии, академик, директор АМ/ ИВ АН СССР в 1916–1934 гг., с 1930 г. заведующий Сектором истории и экономики ИВ АН.

⁶ Якубовский Александр Юрьевич (1886–1953) — иранист, историк-востоковед, член-корреспондент Академии наук СССР (1943). Сотрудник Эрмитажа. В 1933–37 гг. сотрудник ИВ АН СССР по совместительству.

⁷ Конрад Николай Иосифович (1891–1970) — академик, японовед, китаист, сотрудник ИВ АН СССР с 1931 г.

⁸ Бейер Исая Абрамович (1904–?) иранист, в 1931 г. сотрудник ИВ АН СССР по совместительству (основное место работы — Ленинградский военный округ).

конца XIX века», А. И. Востриков⁹ о переводе Арташастры¹⁰), которые активно обсуждались сотрудниками. Отчеты о проведенных экспедициях (Б. В. Семичов¹¹ «Сообщение о работе экспедиции по тибетской медицине») и планирование новых (А. И. Вострикова — в Бурятию, А. Т. Мухараджи¹² — в Калмыкию) также входили в повестку дня. Заседания Сектора в начале года имели чисто идеологическую тематику: обсуждалась необходимость организовать консультации академиков-марксистов, лекции по диалектическому материализму для сотрудников, методологический семинар с обязательным посещением всеми сотрудниками, вовлечь новых членов в ячейку содействия Обществу марксистов-востоковедов.

Важность использования марксистского подхода в исследовательских работах, показало заседание Сектора, состоявшееся 23 марта 1931 г., т. е. за месяц до доклада Б. Я. Владимирцова. На нем был заслушан доклад Л. Е. Берлина¹³ «Рецензия книги Грумма-Гржимайло “Западная Монголия и Урянхайский край”»¹⁴, после доклада¹⁵ были прения. По содержанию выступлений можно понять основное направление критической составляющей рецензии Л. Е. Берлина — отсутствие в книге марксистской методологии.

На заседании выступил и сам Г. Е. Грумм-Гржимайло¹⁶, которому тогда уже исполнился

71 год. В своем выступлении он пытался с научной точки зрения оправдаться, говорил также о том, что 2-ой том¹⁷ был премирован ЦЕКУ-БУ¹⁸, что третий том прошел все согласования и что он сам получил премию от Монгольского ученого комитета и слова благодарности о том, что никто из европейских ученых не сделал для Монголии и монголов так много как он. Но все было бесполезно, все присутствовавшие на заседании сотрудники ИВ и ЛВИ подвергли новый труд знаменитого ученого и путешественника острой критике.

Выступавшие использовали стандартные для того периода клише: «книга является оправданием империализма», «автор пытался доказать прогрессивную роль русского капитализма в Монголии», «во всей книге, товарищи, вы не найдете характеристики классов», «нет в ней и оценки реакционной роли ламства», а вместо этого описывается «как его встречали как путешественника», в книге «мы хотим видеть те перспективы, к которым идет современная Монголия», «книга не выдерживает критики, вооруженной марксистским методом», «в настоящее время истинной методологией является именно методология марксистская и никакая другая», «методологическая установка книги — буржуазная, анти-марксистская», «в этой книге мы не нашли ни одного слова о рабстве монголов при капитализме» [СПбФ АРАН Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 205. Л. 9–45]. Это заседание показало, что ожидает ученого и его научную работу, в которой не уделяется должное внимание марксистской методологии.

То, что марксистская методология определяла направление научной работы, заметно из того, что многие исследователи «подстраивали» свои работы под новые задачи. И совершенно справедливо задаться вопросом, считали ли Б. Я. Владимирцов, что у монголов действительно был феодальный общественный строй, или, может быть, он писал о феодализме из-за идеологически выверенной и общепринятой тенденции в исторической науке того периода.

⁹ Востриков Андрей Иванович (1902–1937) — тибетолог, индолог, монголовед. С 1929 г. сотрудник ИВ АН СССР.

¹⁰ Арташастра — древнеиндийский политический и экономический трактат (4 в. до н. э.).

¹¹ Семичов Борис Владимирович (1900–1981) — тибетолог, индолог, буддолог. В 1930–1933 гг. — сотрудник ИВ АН.

¹² Мухараджи Абони Троилокович (1891–1937) — индолог, политолог и экономист, в 1930–1933 гг. работал в ИВ АН СССР по совместительству (основное место работы — Коммунистическая академия в Москве).

¹³ Берлин Лев Ефимович (1897–?) — преподаватель ЛВИ, в 1931 г. аспирант Монгольского кабинета.

¹⁴ В 1930 г. вышел второй выпуск 3-го тома труда известного путешественника.

¹⁵ Текста доклада в деле нет, но имеется машинописная расшифровка стенограммы прений.

¹⁶ Грумм-Гржимайло Григорий Ефимович (1860–1936) — известный российский путешественник, исследователь Центральной и Средней Азии. Действительный член Русского географического общества. В 1920–1930 гг. — преподаватель Ленинградского восточного института.

¹⁷ Второй том был опубликован в 1926 г.

¹⁸ Центральная комиссия по улучшению быта учёных (1921–1931).

Исследование феодализма как одного из эксплуататорских классов полностью укладывалось в марксистскую теорию классовой борьбы и соответствовало поставленным перед Институтом задачам.

Ответ на этот вопрос мы находим в этом неопубликованном докладе, где Б. Я. Владимирцов сообщает, что уже в 1914 г. он говорил о монгольском феодализме на заседании Факультета Восточных языков, идеи которого были восприняты критически: «какой же феодализм, когда нет замков!». Но Б. Я. Владимирцов не оставил мысли доказать идею о наличии феодализма у монголов, что в результате привело к появлению его труда о монгольском кочевом феодализме.

Напомним, что, как писала дочь Б. Я. Владимирцова в предисловии к книге «Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм», уже «в конце июля или начале августа (1931 г. — *Авторы*) Борис Яковлевич передал права на издание книги Ленинградскому Восточному институту имени Енукидзе, 2 части были сданы» [Владимирцов, 2002. С. 298]. Эти две части содержали разделы «Общественный строй монголов в древности (XI–XIII вв.). Начало феодализма» [Владимирцов, 2002. С. 328], «Общественный строй монголов в средний период (XIV–XVII вв.). Расцвет феодализма» [Владимирцов, 2002. С. 417] и «Общественный строй монголов в новый период (с конца XVII — начала XVIII в.)» [Владимирцов, 2002. С. 481]. Но во введении к этому сочинению раздел, посвященный описанию источников и пособий этого исторического периода, назван Б. Я. Владимирцовым иначе: «Новый период (XVIII–XIX вв. Начало XX в.). Разложение феодализма» [Владимирцов, 2002. С. 481]. То есть совершенно ясно, что к тому дню, когда Б. Я. Владимирцов делал доклад, его концепция феодализма в кочевом обществе Монголии была им разработана, книга была практически готова, за исключением последнего раздела — нового периода. Основная цель доклада Б. Я. Владимирцова — показать не столько правовое значение этого свода законов, сколько выявить отражение в нем характерных черт того общественного строя Монголии, в кото-

ром этот свод сложился. Б. Я. Владимирцов отметил две тенденции в оценке социально-политического строя Монголии его времени: с одной стороны, свидетельства остатков феодальных отношений в общественной жизни, с другой, — утверждения некоторых ученых о том, что никакого феодализма нет. Отмечая, что монголы живут в разных государствах, он задается вопросом, «к какой социально экономической формации принадлежит тот строй, который на наших глазах рухнул в северной Монголии и, по всей вероятности, доживает последние дни в тех местах, где кочуют монголы».

Б. Я. Владимирцов подчеркивает, что гарантией корректного и адекватного анализа феномена, обозначенного им как монгольский кочевой феодализм, является рассмотрение его в эволюции. Детальное исследование такого явления как монгольский общественный строй может способствовать не только получению конкретно-исторического знания, т. е. локального варианта, но и решению проблем типологии, что определяется необходимостью формулирования общей теории.

И он проводит свою работу одновременно в двух направлениях: фиксируя современное состояние проблемы и анализируя сведения ранних источников. Материалом для исследования послужили наряду с его собственными впечатлениями сведения его современников, прежде всего «мнение и самих монголов о себе, о своем социальном строе». Для предшествующего времени он отмечает первоклассные источники раннего времени («Юань-чао-биши», Рашид ад-Дина, китайских и европейских путешественников, целого ряда мусульманских и армянских писателей и т. д.), практическое отсутствие таковых в темный период («кроме отдельных и отрывочных памятников монгольской письменности, не имеем данных для суждения») и возрождение летописных традиций («монголы писали историю своих княжеских домов, о чем они откровенно и повествуют»). Восполнить лакуны монгольских летописей, больше, по мнению Б. Я. Владимирцова, описывающих мир правящих домов, способны материалы сводов монгольских законов, в которых нашли отражение формы социаль-

ных отношений, свидетельствующие об общественно-экономическом строе Монголии.

Одним из основных источников, материалами которого пользовался Б. Я. Владимирцов, чтобы завершить свое исследование, был свод халхаских законов — Халха Джирум, и анализу проявления характерных черт монгольского феодализма в этом источнике был посвящено его доклад. «Монголо-ойратские законы» и «Халха Джирум» неоднократно признавались за памятники обычного права. С этим положением согласиться невозможно. Оба эти кодекса являются настоящими сводами законов, выработавшимися в процессе долгой эволюции. Так же, как и «Монгольское Уложение» они представляют степное феодальное право, получившее санкцию закона. Такое определение, конечно, не исключает возможности признания известного влияния обычного права на рассматриваемые своды законов» [Владимирцов 2002. С. 319]. Убежденность Б. Я. Владимирцова в феодальном характере права определяет важность обращения к этому памятнику не столько как к своду законов, которые регулируют жизнь монголов, сколько как к памятнику, в котором зафиксированы характерные черты общественного строя.

Содержание доклада выходит далеко за пределы заявленной темы: Б. Я. Владимирцов не только рассказал о «Памятниках монгольского права как материале монгольского феодализма», как он назвал доклад, но в краткой форме изложил свою концепцию общественного строя монголов. Лапидарность изложения определила то, что зачастую его текст не дает полного и четкого представления о характерных чертах монгольского кочевого феодализма. Это привело нас к решению дать развернутые комментарии тех понятий и терминов, которыми оперирует Б. Я. Владимирцов. Чтобы не нарушить дискурса его описания природы феодализма у монголов, мы использовали цитаты из его работы «Общественный строй монголов».

Доклад носит дискуссионный характер: Б. Я. Владимирцов будто видит перед собой тех, с кем он не согласен или, наоборот, чьи идеи принял, а за их фамилиями те работы, ко-

торые в той или иной степени вызвали его интерес и инспирировали углубленное изучение им социально-политической формации монгольского общества. Поэтому наши комментарии-персоналии не ограничиваются краткой информацией о тех, кого Б. Я. Владимирцов упоминает в своем докладе, а включают также те их публикации, которыми он пользовался в процессе работы, чтобы показать широту и глубину его интересов¹⁹.

Доклад²⁰ представлен в виде машинописной расшифровки стенограммы, в начале каждой двух страниц написаны фамилии стенографисток: Янчевская и Кулябко-Корецкая, которые сменяют друг друга. Есть внутренняя нумерация страниц, из которой видно, что смена происходила после временного отрывка равного записи 1,5–2,5 страниц машинописного текста. На месте смены стенографисток несколько слов повторяются и даются отточия в конце одного и начале другого отрывка. Эти повторы и отточия мы заключили в угловые скобки.

При публикации документа орфография и пунктуация были выправлены в соответствии с современными нормами. Кроме того, все имена собственные, названия и термины (например, Чингис-хан, «Юань чао би ши», нойон и др.), которые стенографистки записывали в разных вариантах, «на слух», были унифицированы в общепринятой форме.

В квадратных скобках вставлены явные пропуски слов.

В некоторых случаях было изменено деление на абзацы.

Номера листов архивного дела приведены в косых скобках.

/67/ Стенографический отчет

Доклад ак. Владимирцова «Памятники монгольского права как материал монгольского феодализма»

Председательствует: ак. Ольденбург

¹⁹ Авторы искренне благодарят Р. Ю. Почекаева, профессора НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге, за помощь в идентификации авторов отдельных работ по истории права, которые упомянуты в докладе Б. Я. Владимирцова.

²⁰ СПбФ АРАН Ф. 152. Оп. 1а. Ед. хр. 205. Л. 67–115.

ВЛАДИМИРЦОВ: Вот рукопись²¹ Азиатского музея, которая включает в себе свод законов, кодекс, который был установлен в 1709 г. и который в одном районе северной Монголии находился в употреблении вплоть до 1921 г. Теперь можно поставить себе вопрос, какой интерес представляет из себя этот кодекс законов помимо интереса обще-юридического и интереса с точки зрения монгольского права и собрания законов. Собраний законов до нас дошло не так много. Этот кодекс имеет специфический интерес — интерес памятника монгольского общественного строя. Этот интерес вызывается не тем, что эти законы как-нибудь регулировали этот строй, а тем, что здесь /68/ в лаконических выражениях находят отражение разные социальные условия.

Между прочим, следует отметить следующее: в настоящее время, как в повседневной прессе, так и в частных беседах, в книгах и всевозможных научных и популярных изданиях говорится о монгольском феодализме, говорится о том, что в северной Монголии в настоящее время приходится быстрыми темпами ликвидировать такие остатки феодализма и

²¹ Речь идет о следующей рукописи: «Список этого кодекса хранится в Азиатском музее Академии наук. Пишущий эти строки (Б. Я. Владимирцов. — Авторы) подготовил издание монгольского текста кодекса с русским переводом и комментариями, причем имел возможность пользоваться еще одним VS, представляющим часть текста рассматриваемого кодекса, оказавшимся в одном сборнике выписок из различных законов и установлений под заглавием: *Mongğol qağajan-u neite-yin tobci debter* (MS Азиатского музея Академии наук под шифром F.196): *Xalxa jirum* вошел в состав нового кодекса, возникшего в Халхе, по всей вероятности, около половины XVIII в. <...Подготовленный текст кодекса Владимирцовым издан не был. Рукопись не обнаружена>» [Владимирцов, 2002. С. 317]. «Русский перевод «Халха Джирума», выполненный Ц. Ж. Жамцарано в Институте востоковедения АН СССР в Ленинграде в 1933–1937 гг., опубликован профессором Б. Ринченом в 1959 г.» [Халха Джирум, 1965. С. 11]. «*Qalqa Jirum*». Traduit en russe par Dr. Zamcarano. Pedigitt prof. Dr. Rinchen. // *Studia Mongolica*. T. 1, fasc. 1. Улаанбаатар, 1959. И последнее издание, включающее перевод Ц. Жамцарано, подготовлено С. Д. Дылыковым: Халха Джирум. Памятник монгольского феодального права XVIII в. Сводный текст и перевод Ц. Ж. Жамцарано. Подготовка текста к изданию, редакция перевода, введение и примечания С. Д. Дылыкова. Изд-во «Наука». Главная редакция Восточной литературы. М., 1965.

несмотря на эту ликвидацию, старое наследие так или иначе влияет на новую жизнь. Делаются указания на то, что в южной Монголии средневековый феодализм находится в полной своей силе.

Между тем, если обратиться к каким-нибудь серьезным исследованиям последнего времени, то даже в тех сочинениях, которые упоминают о феодализме, можно встретить ряд утверждений, которые показывают, что никакого феодализма нет.

Возьмем книгу Майского²², которая за последние 10 лет, в смысле описания страны является самой выдающейся, то там определенно говорится, что все монголы имеют в своем личном распоряжении скот. С другой стороны, определенно утверждается, что земля находится в общественном пользовании и фактически распоряжаются ею хошун²³ — административные единицы. Этому вторит Калинин²⁴ и другие. /69/ Следовательно, с точки зрения феодализма, никакой феодальной формы не существует. Можно говорить о вассалитете, но где же основы, начало феодализма?

В старой литературе можно было видеть еще более резкие отзывы по этим вопросам, причем любопытно, что люди совершенно разных направлений утверждают одно и то же. Возьмем такого человека как генерал Костен-

²² Майский Иван Михайлович (1884–1975) — по результатам экспедиции в Монголию в 1919–1920 гг. написал книгу: *Современная Монголия (Отчет Монгольской экспедиции, снаряженной Иркутской конторой Всероссийского центрального союза потребительных обществ «Центросоюз»)*. Иркутск, 1921.

²³ Хошун (монг.) — административная единица в Монголии. «В военном отношении монгольский *отог* тоже представлял определенную единицу, т. е. ополчение составляло особую военную часть, которая носила название *xoshiğun* — *xoshi'un* — *xoshun* “корпус, дивизия, и т. п.”. Ввиду этого термины *отог* и *xoshiğun* часто употреблялись смешанно, один вместо другого» [Владимирцов, 2002. С. 427].

²⁴ Калинин Анатолий Дмитриевич (1900–1937) — монголовед-историк, экономист, участник экспедиции И. В. Майского в 1919–20 гг. Затем сотрудник разных организаций в СССР, связанных с Монголией (Цетросоюз, Сибгосплан, НКВД, Полпредство СССР в Монголии), в 1930–31 гг. аспирант института Востоковедения им. Нариманова, в 1932–35 гг. — аспирант и преподаватель ЛВИ. В 1936–37 гг. — докторант ИВ АН СССР.

ков²⁵, про которого бы мы сказали, что у него консервативные взгляды и Дубровского²⁶, которого мы бы причислили к людям, придерживающимся радикальных взглядов, оба они утверждают, что феодализм был введен русским правительством в той части Монголии, которая оказалась в пределах бывшей Российской империи.

Делают часто <... /70/ ... делают часть> возражения и характера наивно-бытового. Я вспоминаю, как 17 лет назад на заседании Факультета Восточных языков, мне пришлось говорить о монгольском феодализме и мне было сделано указание, что это напрасное новшество «какой же феодализм, когда нет замков!». Теперь, очевидно, нельзя удовлетвориться таким положением не только для истории, но и для практики современной жизни, для нужд того, что происходит сейчас в разных местах Монголии.

Как известно, монголы живут разбросанно и входят в целый ряд политических объединений. И вот, важно и интересно выяснить вопрос — к какой социально экономической формации принадлежит тот строй, который на наших глазах рухнул в северной Монголии и, по всей вероятности, доживает последние дни в тех местах, где кочуют монголы. Поэтому нам и пришлось провести более подробное и детальное обследование общественного строя, причем, взятого в его эволюции, потому что только таким путем можно было надеяться на то, что не будет сделано очень грубых ошибок

²⁵ Костенков Капитон Иванович (даты жизни неизвестны) — генерал-майор, действительный статский советник, член Императорского русского географического общества, начальник Кумо-Маньчской экспедиции (1860–1861), Главный попечитель калмыцкого народа, участник Крымской войны 1853–1856 гг. В своей работе Б. Я. Владимирцов использовал его публикации:

— Статистическо-хозяйственное описание Калмыцкой степи Астраханской губ. Исследования Кумо-Маньчской экспедиции. Т. 3. СПб., 1868.

— Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии; с картой калмыцкой степи. СПб., 1870.

²⁶ Дубровский Сергей Митрофанович (1900–1970) — советский историк, занимался вопросами аграрной истории. В 1929 г. вышла его книга «К вопросу о сущности “азиатского способа производства”, феодализма, крепостничества и торгового капитала». М., 1929.

в определении того явления, которым можно назвать общественных строй монголов.

Мне представляется, что подобное исследование может быть интересно не только с краеведческой, но /71/ из и обще-социалистической точки зрения, потому что изучение общественного строя у кочевых народов, вообще, продвинулось очень мало, и кроме положений, основанных на ряде мало проверенных фактов, и попыток прилагать общую теорию априорно, других исследований в этой области не было. И, следовательно, для всяких построений социологического характера подробное исследование такого явления, как монгольский общественный строй, этого нельзя забывать. Может быть, благодаря этим исследованиям найдется ключ к выяснению такого явления как Монгольская мировая империя всей Азии и это будет иметь очень большое значение.

Теперь, чтобы показать путь, каким, по-моему, можно было бы вести исследование, я должен заметить следующее. Здесь исследование должно было вести параллельно с двух сторон, начиная с того, что есть теперь, и начиная с древности. Или, если исходить из того, что можно наблюдать в настоящий момент, так как лично мне приходилось бывать и даже долго жить среди различных монгольских племен (но, конечно, далеко не всех), то у меня накопился определенный запас известных фактов, с которыми я мог отнестись критически к другим свидетельским показаниям путешественников, исследователей права, экономистов, политических деятелей и т. д. Это, значит, современный исходный момент, причем, конечно <... /72/ ...причем конечно>, очень важно было слышать мнение и самих монголов о себе, о своем социальном строе. Следующая стадия исследования — это источники, которые можно взять с самых древних времен.

Все это вместе взятое дает довольно-таки большое скопление всевозможных фактов, которые, мне кажется, позволяют нам прийти к совершенно определенным убеждениям о том, что такое представляет собой общественный строй Монголии, какая это экономическая формация и какова эволюция этой социально-экономической формации. При обзоре обнаружено, что

в настоящее время имеются кое-какие данные, хотя и не в достаточном количестве. Все-таки с этими данными можно сделать ряд поправок к положениям Майского и Калининкова и к тем интересным данным, которые сообщает лицо, скрывающееся под именем Ордосец²⁷ во втором номере журнала «Революционный Восток»²⁸.

С другой стороны, обнаружено, что для древнего периода, именно для особенно интересного момента возникновения монгольской мировой державы, имеется огромное количество первоклассных источников, а именно показания самих монголов, которые вылились в их совершенно исключительное произведение, которое сохранилось «Юань-чао-би-ши»²⁹ — монгольское сокровенное сказание, показания такого выдающегося источника, как /73/ Рашид ад-Дин³⁰, показания китайских путешественников Чан-чуня³¹ и Джан-Дэ-хуя³², европейских путешественников, целого ряда мусульманских писателей, армянских писателей и т. д.

Совершенно неожиданно оказалось, что картина древнего монгольского строя, не са-

²⁷ Ордосец — скорее всего, это псевдоним Ц. Ж. Жамцарано.

²⁸ Журнал Научно-исследовательской ассоциации при Коммунистическом университете трудящихся Востока им. И. В. Сталина. Москва, 1927 г.

²⁹ Первый из известных исторических и литературных памятников монголов. Написан в XIII веке, вероятно монгольским уйгурским письмом, автор неизвестен. Дошёл до нас под китайским названием «Юань-чао би-ши» («Тайная история династии Юань») в виде текста, транскрибированного китайскими иероглифами. Представляет собой полуэпическое, полуйсторическое повествование о предках Чингис-хана, о его жизни и деятельности, о борьбе за власть и о некоторых событиях, происходивших во времена его сына и преемника Угедэя.

³⁰ Рашид ад-Дин (ок. 1247–1318) — персидский государственный деятель, врач и учёный-энциклопедист; занимал высокие должности при правителях государства Хулагуидов, составил Джамий ат-таварих («Сборник летописей»), являющийся важнейшим историческим источником, особенно по истории Монгольской империи и Ирана Хулагуидов.

³¹ Чан-чунь (1148–1227) — даосский монах в мировой истории известен в первую очередь благодаря описанию своего путешествия ко двору Чингисхана. Труд Чан-чуня переведен отцом Палладием (Кафаровым) и помещен в IV томе «Трудов членов Пекинской духовной миссии».

³² «Путевые заметки Чжан-Дэ-хуй». Перевод и примечания Палладия Кафарова. ЗСОРГО. Кн. 9–10. 1867. С. 582–591.

мого древнего, а от XI–XII–XIII веков вырисовывается для нас очень и очень сочно и определенно и мы можем найти там не только указания общие, но и такие указания, которые позволяют нам совершенно стройно построить или вернее сделать попытку построения социально-экономического строя той эпохи. Я скажу даже больше. Не надо думать, что к этим данным мы подходим под влиянием того, что знаем в настоящее время. Конечно, некоторые явления присоединяются, благодаря тому, что мы знаем конец эволюции, т. е. временной конец, то, что протекает в настоящее время и знаем временное начало. Я скажу, что если даже представить, что мы ничего не знаем, то те данные, которые нам сообщаются нашим главным источником — древностью настолько обильно и ясно представлены, что можно было бы сделать попытку построения общественного строя Монголии в древности на основании данных исторического характера.

Мы находимся в лучшем положении, мы до известной степени много знаем о том, что происходит в настоящий момент.

/74/ Далее мы наталкиваемся на глубокую логуну³³, которая открывает темный период монгольской истории, который начался после изгнания монгол из Китая и который тянется <... /75/ ...и который тянется> вплоть до конца XVI века. За этот период мы, кроме отдельных и отрывочных памятников монгольской письменности, не имеем данных для суждения. За этот период времени Монголия не знала и не видела путешественников вроде Марко Поло³⁴ и других. Но, конечно, тут надо сделать оговорку, что китайская литература содержит огромное количество фактов. К сожалению, однако, все это остается пока не разработанным и не доступным не только для не китаистов, но и для последних. Очень редкие китаисты, на всем свете их, может быть всего два или три, имеют представление об этой литературе. В общем, она совсем неизвестна.

³³ Правильно: лагуну.

³⁴ Марко Поло (1254–1324) — венецианский купец и путешественник. Свои путешествия по Азии он описал в «Книге о разнообразии мира».

Но что-то надо было делать и пришлось приступить к обследованию, как монгольских хроник, которые до нас дошли от XVII века и которые базируются на преданиях разных княжеских владетельных домов Монголии, так и на других памятниках, которые сохранились от XVII века. В начале исследование этой литературы казалось безнадежным и казалось, что правы те многочисленные исследования, которые с презрением относились к монгольским хроникам. Но при самом minutiозном обследовании их и при привлечении большего количества материалов, обнаружилось (я не буду тут приводить всю аргументацию филологического характера), что, во-первых, Монголия за первый период, совсем не так как думал Позднеев³⁵, говоря, что Монголия за это время потеряла все достижения предыдущей эпохи, /76/ сохранила в почти полном виде монгольский текст «Юань чао би ши». Мы имеем и другие указания на то, что традиция не прерывалась, но все-таки это не избавляет от упрека монгольские хроники XVII века, в том, что они древнюю историю свою исказили сильно.

Что же касается темного периода, т. е. эпохи более близкой им, они благодаря своему положению, так как они были представителями разных княжеских семей, дворов или выходцами из этой среды, они писали свои хроники по фамильным воспоминаниям. Если Тациту³⁶ можно было бы сделать упрек, что его история — это скорее история знаменитых семей, то и монголы писали историю своих княжеских домов, о чем

³⁵ Позднеев Алексей Матвеевич (1851–1920) — российский востоковед, монголовед.

— О древнем китайско-монгольском историческом памятнике Юань-чао-ми-ши. СПб., 1882 (ИРГО. Т. 1. Вып. 3–5. 1884. С. 245–259).

— Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. СПб., 1887.

— Монгольская хрестоматия для первоначального преподавания, с предисл. Н. И. Веселовского. СПб., 1900.

— Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892–1893 гг.: в 2 т. Т. 1. Дневник и маршрут 1892 г.; Т. 2. Дневник и маршрут 1893 г. СПб., 1896–1898.

³⁶ Публий Корнелий Тацит — древнеримский историк, один из самых известных писателей античности, автор трёх небольших сочинений и двух больших исторических трудов.

они откровенно и повествуют. Но этот материал, взаимно контролируемый тем немногим, что доставляет нам китайская история, представляется достаточно важным и интересным. Однако, этого было бы мало и даже совершенно не достаточно и вот здесь на помощь нам приходят всевозможные своды монгольских законов.

Я говорю «всевозможные», потому что раньше знали только один кодекс — знаменитый монголо-ойратский закон³⁷. Теперь мы знаем несколько кодексов³⁸ и имеем возможность сравнить их между собой, составить их очерк и проследить их эволюцию. К числу этих, указанных мною, сводов законов, относится и небольшой кодекс монголо-халхаских /77/ законов трех хошунов³⁹. Из сравнения этих кодексов выявляется, что они постоянно цитируют друг друга, и часто полностью. Дальше обнаружено, что и этот кодекс процитирован в последующем кодексе, имеющемся в рукописи, сохраняющейся у нас здесь.

Можно утверждать, что то, что он представляет — это есть не XVII, начало его, а это есть XVI–XVII век. И мы здесь, значит <.... /78/....и мы здесь> в лапидарном стиле имеем отражение социальных отношений к концу того периода, который приходится считать темным. Вот такое положение и заставляет с особым вниманием отнестись к подобному произведению и сделать попытку его анализировать в качестве материального, свидетельского показания (я это позволяю себе подчеркнуть) об общественно-экономическом строе Монголии.

³⁷ Голстунский К. Ф. Монголо-ойратские законы 1640 г., дополнительные указы Галдан-хунтайджия и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Даши, калмыцкий текст с русским переводом и примечаниями. СПб., 1880.

³⁸ Уложение китайской палаты внешних сношений. Пер. с маньчж. С. Липовцов. Т. 1, 2. СПб., 1828.

— «Законы трех халхаских хошунов» (см. сн. 39).

— «Новое монгольское уложение автономной Монголии 1914 г.» jarligiyar toġtagagsan Mongġol ulus-un xauli jüil-ün bicig

— Полный свод законов (ссылка не сохранилась) [Владимирцов, 2002. С. 317, 318, 323].

³⁹ «Законы трех халхаских хошунов» (Yamun-u Xalxa jirum-un dürim-ġurban xosiġun-u yeke saġaja) 1709 г. с последующими дополнениями; сохранились в шабинском ведомстве (подданных ургинского хутухты) [Владимирцов, 2002. С. 481].

Я нарочно это подчеркнул, потому что всегда можно истолковать, что свод законов создают общественные отношения. Я нахожу, что происходит как раз обратное и смотрю на них точно так же как на какую-нибудь хронику.

Нужно отметить, что монгольскому праву посчастливилось. Имеется несколько солидных работ о монгольском праве, написанных лицами прекрасно к этому подготовленными. Я говорю, главным образом о двух больших работах Леонтовича⁴⁰ профессора-юриста и профессора Харьковского⁴¹ ун[иверситета] проф. Рязановского⁴². Я не упоминаю уже о других

⁴⁰ «Монгольское право обратило на себя внимание и вызвало несколько работ, среди которых главными являются труды проф. Ф. И. Леонтовича и проф. В. А. Рязановского. Недостатком работ этих ученых является то, что они не знали монгольского языка и не были ориенталистами, в виду чего они оказались в полной зависимости от переводчиков, которые, как это было показано выше, далеко не всегда удовлетворительно справлялись со своей задачей. ...Проф. Леонтович, кроме того, делает редкую попытку представить характеристику общественного строя ойратов XVI–XVII вв., с которой необходимо считаться, несмотря на то что многие положения ее устарели. О том, что старые монгольские кодексы невозможно признать только материалом по обычному праву, было сказано выше» [Владимирцов, 2002. С. 322].

Имеются в виду следующие работы Ф. И. Леонтовича:

— К истории права русских инородцев. Древний монголо-калмыцкий или ойратский устав взысканий (Цааджин-Бичик). Одесса, 1879.

— Калмыцкое право. Ч. 1. Уложение 1822 г. (текст). Примечания: состав, источники и общий характер Уложения. Общественный быт по калмыцким уставам. Одесса, 1880.

⁴¹ Правильно: Харбинского.

⁴² Рязановский Валентин Александрович (1884–1968) — российский адвокат, правовед, историк, культуролог. Автор очерков и статей по гражданскому праву и процессу, работ по монгольскому и китайскому праву. В 1922–1934 годах профессор гражданского права юридического факультета в Харбине.

Его публикации, связанные с монгольским правом, которые мог использовать Б. Я. Владимирцов:

— Обычное право монгольских племен. Чита: Упр. Бурят. Монгольск. авт. обл., 1921. 120 с.

— Обычное право бурят. Чита, 1922.

— Customary Law of the Mongol Tribes (Mongol, Buriats, Kalmucks). Pt. 1–3. Harbin: Artistic printing house, 1929. Рецензия: *Journal of the Royal Asiatic Society*, V. 62, Is. 1, January 1930. Pp. 206–207.

— Монгольское право (преимущественно обычное): Исторический очерк. — Харбин: Тип. Н. Е. Чинарева, 1931. 306 с.

работах как например Гурлевича⁴³. Характерно, что все сочинения, написанные о Монголии, если это не были сочинения филологического характера, написаны людьми, которые не знали монгольского языка и не были монголоведами. Это их отличительная черта.

Другое интересное явление заключается в том, что все наши китаисты XVIII–XIX века какую-нибудь дань монголоведению отдали и некоторые даже как Палладий Кафаров⁴⁴ /79/ посвятили ему всю свою жизнь. В XX веке китаисты наши не посвятили этим вопросам ни одной строчки. Благодаря этому наши юристы, которые приступили к анализу монгольского права и Леонтович, и Рязановский (Рязановский написал три больших книги и несколько брошюр) и вообще все они, находились в полной и абсолютной зависимости от своих источников и пособий, к которым они с должной критикой отнестись не могли. Поэтому им в значительной мере приходилось повторять друг друга. Книга Рязановского внешне имеет блестящий вид⁴⁵. На самом деле, если ее исследовать, то она представляет из себя переложение того, что было сказано раньше, и там имеются лишь легкие попытки дать чисто юридическое освещение данных.

Замечательно, что все, кто занимался монгольским правом и даже монгол, владеющий

⁴³ Возможно, речь идет об Якове Ионовиче Гурлянде, о чем нам сообщил Р. Ю. Почкаев, (1881 — после 1916) — российском публицисте, востоковеде, юристе и археологе.

— Степное законодательство. Казань, 1904.

⁴⁴ Палладий Кафаров — Кафаров Петр Иванович (Архимандрит Палладий) (1817–1878). Был участником двенадцатой (1840–1849) и начальником тринадцатой (1850–1858) и пятнадцатой Российских православных миссий в Пекине. Б. Я. Владимирцов использовал в своей работе следующие его работы:

— Дорожные заметки на пути по Монголии в 1847 и 1859 гг. архимандрита Палладия. — ЗРГО по общ. геогр. Т. 22, № 1, 1892. С. 37–113.

— Комментарий архимандрита Палладия Кафарова на путешествие Марко Поло по Северному Китаю. С предисл. Н. И. Веселовского. — ИРГО, т. 38, 1902. С. 1–46.

⁴⁵ Возможно, речь идет о его книге: Монгольское право (преимущественно обычное): Исторический очерк. Харбин: Тип. Н. Е. Чинарева, 1931. 306 с. Сомнение вызывает год издания.

превосходно языком, Цэбэн Жамцарано⁴⁶ делают одни и те же ошибки. Все авторы <... /80/ ...все авторы> считают, что монголо-ойратские законы (и это все считают) — это памятники монгольского обычного права. Это, конечно, абсолютно неверно. Мы имеем перед собой совершенно определенное законодательное феодальное творчество, это есть самое настоящее законодательство, которое велось и ведется в течение многих столетий под определенным уклоном, руководящими кругами монгольского общества, причем настолько явно в своих интересах, что странно, как считать подобный кодекс проявлением монгольского обычного права.

Правда, в монгольской литературе иногда высказывались самые курьезные вещи. Позднее писал, что, очевидно, монголы по своей природе любят подчиняться своим князьям. Возможно, если исходить из такого мировоззрения, то можно считать этот кодекс кодексом обычного права. Но, если исходить из фактических исторических данных, то ясно, что это есть плод творчества княжеской среды.

Я в начале поставил основной вопрос — в какой мере монгольский строй можно назвать феодальным и возможно ли это, действительно, говорить? Я указал, что, несмотря на то что постоянно в обыденной жизни, в прессе говорится о монгольском феодализме, о феодалах, о борьбе с ними в южной Монголии и о том феодальном наследии, с которым приходится считаться монгольской Республике, я в то же время /81/ позволял себе замечать, что более серьезные авторы, такие как Майский и др. дают определенный материал для того, чтобы сказать, что никакого феодализма нет. Майский говорит, что земля находится в общественном пользовании и, фактически, находится в распоряжении хошунов. Эту фразу цитирует Калинин. Ордосец же, вообще, обходит эту сторону в своей статье.

⁴⁶ Жамцарано Цыбен Жамсаранович (1881–1942) — бурятский, монгольский и советский учёный, общественно-политический деятель. В 1932–1937 гг. работал в Монгольском кабинете ИВ АН, занимался исследованием и переводом исторических летописей. См. также сн. 21.

Если обратиться к практическим деятелям Монголии, то они скажут, что никакой земельной собственности нет и скот тоже в частном владении, и таким образом, никакого феодализма нет. Есть наследственные чиновники <... /82/ ...есть наследственные чиновники> у монголов, какая-то другая формация, что-то другое.

Анализ современных данных может быть представлен в форме крайне разбросанной и свести эти данные может быть было бы весьма трудно. Уже это одно диктовало необходимость посмотреть на весь вопрос в его эволюции. И вот мне и хотелось бы показать, что настоящий памятник есть одно из звеньев в цепи свидетельских показаний об этой эволюции. Я на этом, главным образом, и позволю себе остановиться. Для того чтобы было легче следить за изложением, я должен буду в самой краткой форме охватить то, что нам известно о предыдущей эпохе.

Как я уже говорил огромное количество источников позволяет нам вполне ясно себе представить, что такое был общественный строй Монголии. Я должен отметить, что эта работа была бы совершенно невозможна, если бы не было сделано того, что произвел своим анализом Василий Владимирович Бартольд⁴⁷. Он первый выяснил классовый характер монгольского древнего общества и первый обратил внимание на существование у монголов класса степной аристократии, из которой вышел Чингис-хан.

Более длительное и более внимательное исследование материалов, отчасти и того, который появился после работы Василия Владимировича, убедило меня, что его построение ошибочно и не только в деталях, но и в общих его построениях. /83/ В той работе, которую я заканчиваю, я взял на себя смелость показать, что все те построения, которые он дал для ор-

⁴⁷ Бартольд Василий Владимирович (1869–1930) — академик, российский и советский историк, востоковед-медиевист (тюрколог, арабист), исламовед, архивист, филолог.

— Образование империи Чингисхана. (Пробная лекция, читанная в Санкт-Петербургском университете 8 апреля 1896 г.). — ЗВОРАО. Т. 10. 1897. С. 105–119.

— Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Ч. 1. Тексты. СПб., 1868; ч. 2. Исследование. СПб., 1900.

ганизации монгольской империи, можно признать ошибочными. Тем не менее, та брешь, которую он пробил в общественном мнении относительно этой эпохи, заслуживает того, чтобы об этом постоянно упоминать. Критика источников и пособий останется на долгое время.

Излагая теорию не Василия Владимировича, мы застаем в Монголии, как основу социального строя — род. Но это род не примитивный общинный род. Это клан с расслоениями. Владельческий род весьма немногочислен. Группирующиеся вокруг него разбиты уже на отдельные части. Во-первых, это роды крепостных вассалов — унаган боол⁴⁸. Затем идут домашние прислужники, находящиеся в положении почти полной рабской зависимости. И кочевание, и ведения хозяйства идет тем способом, который можно назвать куренными, т. е. по совершенно определенному выражению Рашид ад-Дина — куренный способ хозяйства это, когда племя стояло старым кругом, с главарем посередине. Причем по свидетельству наших источников пастбищные территории были общими, но скот находился в индивидуальном владении.

Дальше мы видим <... /84/ ...далее мы видим> эволюцию этого строя, видим, как из среды владетельных родов начинают выдвигаться самые сильные, смелые и ловкие и производят захват власти, поддерживаемые своими родичами. Появляются, подготовленные всем ходом развития степной аристократии — степные хааны. Но это вовсе не цари и не люди, облеченные государственной властью, они не старейшины в роде, а это именно аристократические удалы, которым удастся благодаря содействию своих родичей захватить большое количество земельных территорий, пастбищ и людей.

⁴⁸ «*унаган богол* (старинное *boǰal*). Так назывались исконные вассалы какого-либо рода или дома, потомственно ему служащие» [Владимирцов, 2002. С. 359]. «*унаган богол*ами становились или в силу неудачных “войн”, из-за набегов и наездов, а также в силу материальной нужды, из-за обеднения» [Владимирцов, 2002. С. 362].

Конечно, Ван-хаан керейтский⁴⁹ был такой же. Если внимательно вчитаться в наш текст, то мы увидим, что он такой же степной аристократ, захватчик небольшого участка, с небольшим количеством возможностей. И борьба, несомненно, между всеми ними идет, потому что, безусловно, все эти хааны должны были столкнуться. И весь путь развития шел таким образом, что они неизбежно должны были когда-нибудь, чьей-нибудь власти подчиниться. Это было подготовлено всем путем развития.

Очень интересно видеть, как процесс в данном случае, закономерно развивался. Толкаемая на путь обеспечения своих пастбищных территорий и возможности удобного производства охоты, монгольская аристократия шла на то, чтобы объединиться /85/ и перейти новому способу кочевок. Перейти от куренного способа, который стеснял больших скотоводов, к возможности кочевать отдельными группами. На это есть прямые указания, что от куренного способа кочевания они переходят к айльному.

Чингис-хан уничтожил всех монгольских ханов той эпохи, ни один из них не уцелел и все монгольские ханы той эпохи погибли от его руки. Против Чингис-хана ополчилась совсем не демократия, как это принято думать (и я сам придерживался такого мнения), но против него ополчились его противники хааны. Он с ними боролся. Очень часто <... /86/ ...очень часто> низы монгольского общества поддерживали Чингиса, по некоторым обстоятельствам им у него могло лучше житься. В древнем монгольском обществе мы наблюдаем явления, которые нам напоминают то, что мы находим в Западной Европе.

Откуда развились феодальные отношения. Мы знаем, что всюду и также и в старой Руси феодальные отношения на почве свободной военной службы. Дружинники, други, това-

⁴⁹ «Исторический пример двух *anda* — Ван-хан керейтский и Чингис-хан. Как известно, их отношения вылились даже в особую форму: Ван-хан как бы усыновил Чингиса, стал считаться его названным отцом. “...Прежде Чинигс называл Ван-хана отцом, ради дружбы его с Есугаем; в этот раз они сами заключили союз отца с сыном. Чингис называл Ван-хана *ециге* ‘отец’, а Ван-хан Чингиса *көүп* ‘сын’ ”» [Владимирцов, 2002. С. 356–357].

рищи. В монгольском обществе той эпохи мы находим институт нукеров⁵⁰ (что обозначает друг). Около предводителей степной аристократии начинают собираться разные удалы и молодцы. Часто это выходцы из аристократических семей, которым тесно жилось при куренном образе жизни, собирались и представители высших слоев крепостных вассалов. Таким образом собирались дружины, которые жили вместе со своим предводителем, с его семьей. Есть рассказ о том, как нукеры корову режут и они в первую очередь получают свой кусок. Служба дружинников является началом тех феодальных отношений, которые окончательно сложились в эпоху Чингис-хановской империи. Далеко не у одного Чингиса имелись подобные дружины.

Мы имеем точные указания в наших источниках, что после того как Чингису удается более или менее объединить вокруг себя значительное количество монгольских аристократических родов, мы видим, как он начинает давать уделы своим дружинникам, создает свои сотни и тысячи, свои туманы⁵¹, над которыми ставит своих нукеров, которые находились /87/

50 «В древне-монгольском обществе *pökög* не был подданным или наемником господина *поуап*'а; он свободный воин, обязавшийся служить своему вождю, который становится для него “законным” господарем» [Владимирцов, 2002. С. 383]. «Древне-монгольские нукеры — военные слуги вождей, не имели ничего общего с родовым ополчением, которое собиралось во время более или менее больших войн. ... Дружинники при этом частью превращались в начальников отдельных частей родового ополчения, а частью образовывали особый отборный отряд; из дружинников же выходили командиры отдельных корпусов и “армий”. Нукеры, как постоянное военное содружество, сожительствующее вместе со своим вождем, были эмбрио-армией и эмбрио-гвардией. ... Но кроме обязанностей воина, древне-монгольские нукеры выполняли и другие поручения своих вождей. Их посылали, например, гонцами и послами; занимались они и чисто хозяйственными делами, ведали, конечно. Все, относящееся к облавным охотам, при случае занимались и ловлей рыбы. Из нукеров выходили не только офицеры, но и “правители”» [Владимирцов, 2002. С. 387–388]. «Между тем *pököd* — дружинники — прежде всего военные слуги; они живут вместе со своими предводителями, ханами, *баатур*'ами, *поуап*'ами, являются их “домашними людьми” и находятся на их содержании» [Владимирцов, 2002. С. 391].

⁵¹ Туманы — от (монг.) *түмен* — букв.: десять тысяч — войсковая единица из 10000 человек.

в тесной связи с ним и в зависимости от него, являясь его военными вассалами. Это не подлинный феодализм, но явление чрезвычайно близкое к нему, потому что все эти бывшие дружинники получали удел — хуби⁵², который состоял из двух частей — людей — улус и определенной территории, по которой улус должен был кочевать. Источники называют его господином не только юрта⁵³, но господином людей и юрта. Действительно, можно наблюдать и по прямым указаниям, и по цепи косвенных, что бывший нукер, а теперь вассал Чингиса, является почти полномочным распорядителем, господином в своих уделах. Они творят суд и расправу и являются полными господами данной территории.

Не нужно забывать того, что в эпоху Чингиса мы наблюдаем другую черту характерную для феодализма — перенесение частных правовых понятий в публичные и перенесения понимания родовой собственности на государство. Государство рассматриваю как принадлежащее

⁵² «Древне-монгольские нукеры за свою службу военным вождям получают от своих предводителей в удел (*хуби*) то или другое количество кочевых *ауи*'ов, господами и правителями которых они и становятся; вместе с этим они получают достаточное количество территории, на которой они могли бы кочевать вместе со своими людьми и охотиться» [Владимирцов, 2002. С. 399]. «Удел — *хуби* состоял из двух частей: из определенного количества кочевых семейств (*ulus*) и из достаточного для их содержания пространства пастбищных и охотничьих угодий (*nutuğ*). Внимание кочевника, конечно, сосредоточено на людях, потому что *nutuğ* мог быть найден и другой, ввиду этого словом *ulus* и стали обозначать самый удел, выделенный тому или другому лицу» [Владимирцов, 2002. С. 407].

⁵³ «Территория на которой обычно кочевала какая-либо социальная единица, называлась *nuntux* или *nutuğ* по-монгольски и *yurt* по-тюркски; слова эти обозначали также “становище, местожительство”. ... совершенно определено было понятие *nutuğ* (*yurt*) как о районе-территории, принадлежавшей одному роду» [Владимирцов, 2002. С. 353]. «Наши источники определенно указывают, что *nutuğ* (*yurt*), т. е. пространство земли, достаточное для содержания той или другой кочевой единицы, считалось принадлежащим господину — *поуап* или царевичу *köbegün*. ... Раз сеньор владел людьми, то естественно должен был и владеть землей, на которой они могли бы жить-кочевать. Всякий сеньор поэтому, получая во владение или даже в управление *ulus* — народ, людей, непременно получал совершенно определенный юрт, *nutuğ*, т. е. землю, годную для содержания выделенных ему кочевников» [Владимирцов, 2002. С. 407].

своему роду, отсюда все последствия — создание удельной системы, где имеются царевичи. Одни называют их нойонами, другие — хобегунами огланами⁵⁴. Эти хобегуны огланы <... /88/ ...> конечно являлись еще более независимыми и феодальными сюзеренами, владыками юрта и своих земель. У них были свои феодальные вассалы, которые были вассалами хаана. И скоро явилась система вполне определенная, которую можно было бы назвать феодальной.

Все эти сотники и тысячники находились еще в большой зависимости от главы империи. Но в дальнейшем феодализации монгольского общества идет с невероятной быстротой. И не благодаря разложению рода царствующего, как это думал Владимир Васильевич, происходит разложение монгольской империи, а благодаря процессу дальнейшей феодализации. Раз это вылилось в такие формы, все это должно было двинуться по этому пути. Обязательно должно было разразиться то явление, которое мы наблюдаем при феодализме дальнейшем.

Все большее и большее отделение частноправовых явлений в той области, в которой должны были бы быть публично-правовые, партикуляризм со свойственными ему явлениями и т. д.

Не надо забывать, что то натуральное хозяйство, которое развивалось, не могло измениться под влиянием той широкой торговли, которая началась в эпоху монгольской империи. Торговый капитал не воздавал новых видов (пропуск слова. — *Авторы*) и не поднимал производительных сил страны. А скоро, кроме того, торговые пути пошли мимо Монголии, в особенности, с перенесением столицы /89/ в Пекин, и Монголия оказалась в положении худшем, чем при Чингис-хане, потому что владения Китая привлекали особенно всю верхушку и настолько торговые пути шли вне этой страны, что происходило заметное понижение.

И мы видим в дальнейшем, что благодаря развитию процесса, потом благодаря тем бесконечным междуусобным войнам, которые шли в

⁵⁴ «...потомки самого Чингиса назывались вначале köbegün — собственно “сын, юноша”, потом “царевич” (сн. 31. По тюрк. oγlan; ср. скр. kumāra “юноша, царевич”), а впоследствии стали титуловаться taiiji xong-taiiji» [Владимирцов, 2002а. С. 292]

эпоху Юаньской династии⁵⁵, монгольский народ переживает эволюцию, происходит полное смешение всех монгольских родов и окончательное разложение родового строя. Родовой строй теперь сохранился только у тех народов, которые не попали в Чингисовую организацию — это так называемые лесные народы. А все остальные монгольские народы и племена попали в эту сферу деятельности, перемешались и родовой строй там был вытеснен окончательно. Но зато окончательно углубился феодализм. Причем последующий период — это период тех бесконечных междуусобных войн, которые так безотрадны на страницах (пропуск слова. — *Авторы*) и в которых казалось невозможно было бы разобраться. Покотилов⁵⁶ сделал эту попытку, но из нее ничего не вышло. Приходится базироваться на таких общих вещах, что главари сражались <... /90/ ...что главари сражались> между собой.

Вот опять путем анализа можно посмотреть, что происходит. Оказывается, весь темный период — это борьба мелких феодалов со старшими феодалами и замечательно то, что совершенно то же мы видим в западной половине монгольской империи — в Чагатаевском улусе, в Золотой Орде. Везде идет борьба с тайджи⁵⁷ и хун-тайджи⁵⁸. Если посмотреть по материалам Санан Сэцэна⁵⁹, то вы увидите, что эта борьба

⁵⁵ Династия Юань — монгольская династия, основавшая монгольское государство, основной частью территории которого был Китай (1271–1368). Основано внуком Чингисхана, монгольским ханом Хубилаем, который завершил завоевание Китая в 1279 году. Империя пала в результате восстания Красных повязок в 1351–1368 годах.

⁵⁶ Покотилов Дмитрий Дмитриевич (1865–1908) — российский дипломат и предприниматель, действительный статский советник (1900), посол в Китае.

— История восточных монголов в период династии Мин. 1368–1634 (по китайским источникам). СПб., 1893.

⁵⁷ «...потомки самого Чингиса назывались вначале köbegün — собственно “сын, юноша”, потом “царевич” (сн. 31. По тюрк. oγlan; ср. скр. kumāra “юноша, царевич”), а впоследствии стали титуловаться taiiji и xong-taiiji, словами, как известно, заимствованными из китайского, являющимися пышными субститутами-переводами скромного köbegün» [Владимирцов, 2002а. С. 292].

⁵⁸ Хун-тайджи см. выше.

⁵⁹ Санан Сэцэн (Саган-Сэцэн). Эрдэнийн тобчи («Драгоценная пуговица») — монгольская летопись, составленная в 1662 ордосским князем Саган Сэцэном. Охватывает период XIII — середины XVII вв. Материалы летописи помогают воссоздать черты общественного строя монголов в этот период.

не есть беспорядочная драка и свалка, а планомерная борьба низших слоев феодального общества, т. е. сотников и тысячников, которые постепенно превращаются во владельцев отдельных отоков⁶⁰ с тайджами и хун-тайджами, которые принадлежат к роду Чингис-хана. Эта борьба идет параллельно с тем, что мы наблюдаем в западной половине, где беки⁶¹ и другие двинулись против монгольских ханов.

Тимур⁶² долгое время не решался принять ханский титул и довольствовался титулом зятя⁶³, так же и один из монгольских тайджей удовлетворялся титулом зятя. Вот в восточной половине борьба совершалась по-другому. На западе победили беки — тысячники мелкие феодалы и благодаря своему тюркскому происхождению монгольские элементы исчезли.

⁶⁰ «...известная группа кочевых айлов, объединенная тем, что занимала определенную территорию под свои раскопки, группа, на которую распались ulus'ы или туманы (tümen), называлась отоком — otog. Оток в рассматриваемую пору и являлся основной социальной и хозяйственной единицей. Каждый монгол обязательно принадлежал к какому-нибудь отоку, входя, благодаря этому, в определенный круг различных социально-экономических связей и отношений. Очень интересно отметить, что монгольский оток основывался именно на территориальном единстве. ...И по происхождению своему слово otog тесно связано с территорией, местом для кочевания» [Владимирцов, 2002. С. 427].

⁶¹ Беки — «...слово беки обозначало “первосвященника”, конечно в шаманском значении этого выражения (chief priest), волхва-предводителя. Следует обратить на то, что этот титул beki носили главы “лесных” народов, меркитов и ойратов, среди которых шаманство было сильно развито. ...ввиду того, что в самом “Сокровенном сказании” о beki говорится мало, можно прийти к выводу, что институт этот начал у монголов в XIII в. уже забываться и старшинство в роде начало терять значение, что вполне соответствует тогдашнему положению вещей в монгольском обществе» [Владимирцов, 2002. С. 345–346].

⁶² Тимур (1336–1405) — (Тамерлан), среднеазиатский правитель, полководец и завоеватель. В условиях междоусобиц, охвативших Среднюю Азию после распада монгольского улуса Джугатай, Тимур стал все больше интересоваться политикой. Был ранен в правую ногу и охромел (в связи с этим он получил прозвище «Тимур-ленг», по-персидски «Хромой Тимур», искаженное европейцами как «Тамерлан»). К концу правления Тимура его государство включало в себя Мавераннахр, Хорезм, Хорасан, Закавказье, Иран и Пенджаб. Военное и гражданское управление в его империи было построено по законам Чингисхана. После смерти Тимура созданная им держава быстро распалась.

⁶³ Титул зятя — (монг.) tabunang.

В восточной половине происходит обратное явление. Мы видим, что там высшим феодалам /91/ удалось победить. Из всех монгольских князей, только в двух хошунах уцелели князья не чингис-хановского происхождения. Остальные все были низвергнуты. Таким образом, мы тут наблюдаем полную победу высшей аристократии, полную победу высшего феодального слоя общества, полную победу царевичей. Царевичи побеждают своих вассалов и в конце этого темного периода, к которому мы сейчас подходим, феодальные отношения слагаются по-новому. Целый ряд прекраснейших материалов дают нам возможность судить о том уничтожении, которое происходит на наших глазах.

В данном случае, между прочим, и это кодекс дает великолепным лапидарным слогом выраженные сентенции и помогает разобраться во многих вопросах и дает указание какого же типа феодализм имеется у монголов.

ПЕРЕРЫВ

/92/ (После перерыва)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Для того чтобы Вы не сокращали Ваш доклад, я думал бы удобным перенести прения на другой день.

ВЛАДИМИРЦОВ: Мне кажется, что интересно было бы обменяться мнениями сейчас же после доклада.

Собственно говоря, можно поставить вопрос — каким образом даже могут явиться сомнения после определенных заявлений, внимательных исследований таких, как Майского о том, что в настоящий момент у монголов земля находится в общем пользовании, что скот в общем пользовании и т. д. Этот факт кажется настолько ясным, что, казалось бы, что споров тут никаких не может и быть. Но каким образом подобное заключение могло явиться? И мне кажется, что самый текст того Майского рисует нам то, благодаря чему он приходит к такому заключению.

Здесь обнаруживается привычка иметь дело с оседлыми населением. Майский говорит, что нигде в Монголии нет специальных участков у князей и теократов. Он искал определенные участки, а для кочевников важным является

владение⁶⁴ определенным участком, а возможность использовать для тех или других времен года определенных пастбищных территорий и иметь возможность их свободно переменять на сравнительно небольшом пространстве. /93/ Ведь кочевание монголов не есть беспорядочное путешествие с места на место, а это есть определенные переходы по определенным пастбищам, по определенным полосам в зависимости от состояния трав и вод. И то лицо, которое фактически этим управляет, оно является с кочевой точки зрения, с точки зрения экономических нужд кочевого населения, распорядителем земли, оно и является обладателем. Потому что, как хозяин [гонит] стадо, куда ему хочется, так и кочевник находится в зависимости от того, кто его направляет туда-то или туда-то, или кого он считает распределяющим его пастбища.

И вот, замечательно, что такой внимательный путешественник как Рубрук⁶⁵, прекрасно заметил это отличительное явление в отличие от путешественников XVII и XVIII веков. Рубрук говорит: «Всякий их начальник, как он называется, «капитанус», совершенно определенно знает, где будут находиться его люди весной и летом, осенью и зимой, и никто не смеет кочевать вне тех мест, которые он укажет. А все они нигде не смеют кочевать без указания монгольского императора». А Рашид ад-Дин комментирует, что каждый такой начальник есть хозяин — эджин⁶⁶ той территории, которая ему вручена.

Теперь в этих законах, о которых мне хочется сказать несколько слов, мы находим совершенно яркое утверждение подобного рода. Мы здесь определенно в ряде статей находим,

что /94/ монгольский князь, феодальный сюзерен над определенной кочевой группой, является распределителем пастбищных и иных угодий и он имеет право по своему желанию и воле в каждый данный момент определенную территорию или объявить запретной или объявить ее отдаваемой под распашку, что очень важно для современного положения. И, значит, именно от князя это зависит. Он каждый момент имеет право объявлять ту или иную перекочевку, ту или иную стоянку. Как он это осуществляет — это другой вопрос, но важно установление и признание, что именно протекает в подобном положении.

То, что кочевые положения часто представляют большие затруднения при их анализе не только для европейца, но и для самого монгола, прекрасно иллюстрирует эта книжка, написанная Жамцарано и Туруновым⁶⁷. В этом памятнике <... /95/ ...в этом памятнике> есть абзац относительно одного землепользования и здесь говорится, что правом на оток пользуется тот, кто первый занял это место из простонародья. Причем говорится, что если пришли вместе, то правом пользуется тот, кто выстрелил первым или ударил кнутом. Он берет слово оток, что значит «луг» и поэтому пишет, что право на покос принадлежит тому, кто первый и т. д. А оток значит зимняя стоянка, по которой действительно можно нагайкой ударить. Вот пример того, как природный монгол, благодаря привычной ассоциации впадает в грубейшую ошибку и представляет нам нечто совершенно иное. Поэтому нечего удивляться, что некоторые современные писатели впадают в неправильную оценку создающегося положения.

⁶⁴ Правильно: не владение.

⁶⁵ Гильом де Рубрук, также Виллем Рубрук (около 1220 — около 1293) — фламандский монах-францисканец, путешественник. В 1253–1255 годах по поручению французского короля Людовика IX совершил путешествие к монголам, которых он называет моалами. Автор книги «Путешествие в восточные страны».

⁶⁶ «Младшему сыну доставалось основное имущество отца: он получал в наследство юрту отца и его жен, если их было несколько, с их стойбищами, кочевыми аилами; младших сыновей поэтому и величали ежен, т. е. «хозяин, владыка»» [Владимирцов, 2002. С. 350].

⁶⁷ Турунов Анатолий Николаевич (1893–1954) — российский библиограф, краевед, художник-график, искусствовед, историк, этнограф-фольклорист. Как историк занимался историей Сибирского края. В соавторстве с А. Н. Туруновым Ц. Жамцарано опубликовал две статьи: Обозрение памятников писаного права монгольских племен // Сборник трудов профессоров и преподавателей Иркутского гос. университета. Иркутск, 1920. С. 1–13. Халха-джиром (описание памятника) // Сборник трудов профессоров и преподавателей Иркутского гос. университета. Вып. 6. Иркутск, 1923. С. 1–18. Скорее всего, Б. Я. Владимирцов ссылается на вторую.

Отсюда мы видим, что управление землей находится в руках феодалов, но более того, оказывается, что личное владение скотом есть ни что иное, как завуалированное владение того же феодального сеньора. Это чрезвычайно любопытный факт. Он вскрывается на основании первых статей этого уложения, в котором находит себе полное подтверждение то, что творится в настоящее время.

Положение в одном из первых параграфов говорит, что в случае каких-нибудь денежных обязательств своего нойона, его поданный расплачивается за него. Значит накладывается ли штраф на сеньора или у него есть какой-нибудь долг — платит не он, а его подданный. Значит с одной стороны, как будто бы выходит, что монгол Дорджи имеет 29 коров, а с другой стороны, его нойон может ему сказать, что у него много денежных обязательств и поэтому он восемь коров должен ему отдать.

Замечательно, что подобные представления сохранились до настоящего времени. В самое последнее время с введением Монгольской республики все это рухнуло, но подобное положение, существовавшее в северной Монголии, в южной продолжается и сейчас. На этом зиждется оплата хошунов и круговая порука. Ведь монголы считались зависимыми от своего сюзерена, так же как и в феодальную эпоху и термин такой же. Они его люди, а как его люди они обязаны выполнять целый круг всевозможных обязанностей. Но сверх того, кроме всех обязанностей, лежащих на них, они могут считать, что скот, имеющийся в их распоряжении, всецело принадлежит им. Это завуалированная собственность. Оказывается, что все орудия производства, как пастбище и охотничьи территории, так и скот в той или другой степени связаны с феодальным сеньором, которому еще принадлежит <... /97/ ...которому еще принадлежит> общее владение земли, принадлежит право суда и расправы, следовательно, все данные для того, чтобы охарактеризовать этот строй как феодальный. Я скажу даже более. Может быть редко где в другом уголке мира можно встретить феодальные отношения, более ярко напоминающие классический пример французского феодализма, как в Монголии.

Опять-таки ряд статей этого небольшого кодекса в гораздо лучшей степени, чем кодекс, так называемых монголо-ойратских законов, характеризует это положение. Например, вопрос об иммунитете или учреждении судов. Это здесь очень ярко характеризуется. В особенности вопрос об иммунитете, который показывает, какие усилия прилагали монгольские феодалы, чтобы обеспечить себя от зависимости высших сеньоров и от вмешательства их в их дела.

Целый ряд статей гарантирует присутствие их чиновников при составлении разных исков. Причем не соблюдении этих правил влечет штраф в пользу сеньора. Вся юстиция построена в пользу владетельных князей. И надо удивляться, как люди старались оправдать это нормами монгольского права. Вся юстиция построена так, что она не только является выгодой князей, но абсолютно каждое судебное дело приносит ему тот или иной определенный доход.

Вот вся сумма подобных данных, которые достаточно ясны и тут не надо выжимать, вот, все это заставляет думать, что мы в строе монголов, если характеризовать его с точки зрения социально-экономической формации, имеем ясно выраженный феодализм. И феодализм есть самое основное течение всей исторической жизни монголов. На почве феодализма построилась и выросла монгольская держава, благодаря именно слагающим силам феодализма сложились отношения монголов к культурным соседям и вытекающая отсюда вся та политика огромных завоеваний, которую они вели и в связи с этим все то большое влияние, которое они оказали на судьбы всего мира. Феодализмом же мы можем объяснить и разрушение родового строя, и целую цепь тех явлений, которые быстро изживаются на севере Монголии и медленно изживаются на юге Монголии, и которые там являются еще жизненными и действительными и которые мы можем наблюдать.

Между прочим, <... /99/ ...между прочим> этот кодекс имеет большое количество статей, которые характеризуют и другую силу феодального общества, а именно теократов. Это

вопрос, который очень долгое время затруднял монголистов. Тут мы видим опять-таки параллельное тому, что мы видим в Западной Европе, как буддийская церковь после второго появления в Монголии оперлась на феодализм и сама явилась одним из проявлений этого феодализма. Благодаря этому мы видим ту конкуренцию, которая наблюдалась в последние годы существования Автономной Монголии⁶⁸, а в настоящее время наблюдается на юге Монголии и отразилась на последних событиях. Эта борьба теократов со светскими феодалами, которая подготовила окончательную гибель и разрушение феодализма. Феодализм в Монголии разлагался очень медленно, начиная с XVII века.

При этом указывают, что маньчжурское правительство его разложило. Маньчжурское правительство наоборот все силы приложило к тому, чтобы этот феодализм поддержать. Здесь обнаруживается целая сеть интересных влияний, которые требуют специального исследования. Интересен вопрос о взаимном влиянии феодализма монгольского и маньчжурского. Если обратиться к монгольскому уложению, изданному маньчжурским правительством, то мы видим, что очень много статей этого кодекса туда вошло интегрально. Мы видим тут большое маньчжурское влияние. Мы видим, какие огромные усилия прилагает /100/ маньчжурское правительство для того, чтобы поддержать монгольский феодализм. Маньчжурское правительство относилось к этому так, как в свое время царское правительство относилось к казачьей области. Это была своего рода гвардия маньчжурской династии.

Но разложение монгольского феодализма пошло вне воли маньчжурского правительства. Разложение пошло двумя путями — с одной стороны влияние торгового капитала китайского, а потом и русского, с другой стороны, движение народных масс, а также борьба клерикальных и светских феодалов между собой. Вот взаимные влияния всех этих факторов и разрушило феодализм, который неминуемо должен был пасть на наших глазах.

⁶⁸ Автономная Монголия — название Монголии в договоре о дружбе, заключенном с Россией в 1912 г. в период правления Богдо-гэгэна (1911–1921).

Приведу пример, характерный для отношений, которые имелись у монголов. Я могу сослаться на здесь присутствующего Бурдукова⁶⁹. Мы знали одного маленького монгольского князька. Он был очень бедный, но у него был богатый подданный. Этот монгольский князек не считал нужным заботиться о том, чтобы вести свое хозяйство, потому что он был уверен, что подданный за него заплатит. Когда подобный монгольский князек ехал в лавку, то подданный стремился проследить его и проследить, что он будет покупать, и старался как-нибудь придержать его, чтобы он не слишком транжирил. Вот до каких курьезов доходит дело. /101/

Предпоследнее вольное законодательство Монголии представляет огромный материал для суждения о Маньчжурии. Кодекс содержит огромный материал по маньчжурскому феодализму и интересен для изучения его. А нужно сказать, что <... /102/...> там материал громадный по различным вопросам и я думаю, что и китаистам не обойтись без изучения монгольского и маньчжурского свода законов. На этот кодекс бросает свет небольшой кодекс, который надо бы перевести как материал по истории монгольского феодализма, имеющего большое серьезное, практическое значение для жизненных вопросов наших дней.

На этом разрешите мой доклад закончить.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Может быть, мы сейчас ограничимся только вопросами, которые будут предложены докладчику. После этого будет расшифрована стенограмма, которую получают те, кто пожелает принять участие в прениях, которые мы перенесем на наше другое заседание. Я боюсь, что если мы сегодня назначим прения, то придется очень скомкать вопрос.

ВЛАДИМИРЦОВ: Было бы очень интересно послушать указания и суждения сейчас. Ведь, в общем, все дело просто и доклад небольшой, поэтому особенной необходимости

⁶⁹ Бурдуков Алексей Васильевич (1883–1943) — российский, советский монголовед, этнограф, собиратель монгольских рукописей. С 1926 г. преподавал монгольский язык в Ленинградском восточном институте, на Курсах нацмен Советского Востока, в ЛГУ. Поддерживал тесные научные связи с ИВ АН СССР.

знакомиться со стенограммой, нет. Мне казалось бы, что возможно было бы сейчас сделать все указания, поправки и замечания.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хотя Вы и говорите, что доклад был небольшой, но он поднял целый ряд очень больших вопросов.

ПОППЕ⁷⁰: Мне кажется, что сейчас надо было бы приступить к обсуждению этого доклада, но так как здесь отсутствует много товарищей, и я не вижу ни одного аспиранта, /103/ то было бы желательно, чтобы они раньше ознакомились с этим докладом и тогда, кроме обсуждения этого вопроса сегодня, если бы нашлось время и желание, можно было бы продолжить прения по докладу т. Владимирцова на следующем заседании.

ВОРОБЬЕВ⁷¹: Сегодня, по-моему, развернуть широкие прения было бы трудно, так как доклад поднял целый ряд очень серьезных вопросов.

СКАЧКОВ⁷²: Я хотел провести сравнение с южной Монголией. Я не присутствовал на первой половине доклада и, так как некоторые положения рисуются мне в новом свете, мне раньше тоже хотелось бы ознакомиться с детальной стенограммой и затем уже, на основании имеющихся материалов, высказаться.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Как Ваше мнение.

КОНРАД: Я думаю так же.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Может быть, сейчас мы могли бы открыть предварительные прения и задать вопросы, а затем для детального обсуждения и обмена мнениями по заслушанному докладу тов. Владимирцова, мы назначим специальное заседание. (Принимается).

Приступим к вопросам по докладу.

⁷⁰ Поппе Николай Николаевич (1897–1991) — советский и американский лингвист, этнограф, специалист по алтайским языкам, монголоведению и тюркологии. Член-корреспондент АН СССР (1932). Сотрудник ИВ АН СССР с 1922 г., после смерти Б. Я. Владимирцова (1931) стал заведующим Монгольским кабинетом ИВ АН СССР. С 1949 г. работал в США.

⁷¹ Воробьев Павел Иванович (1892–1937) — китаист, маньчжурист, организатор науки, занимал руководящие должности в разных научных учреждениях Ленинграда и Москвы. В 1931 г. преподавал маньчжурский язык аспирантам ИВ АН СССР.

⁷² Скачков Петр Емельянович (1892–1964) — китаист, сотрудник ИВ АН СССР с 1930 г.

СКАЧКОВ: Вы сказали о правах монгольских князей, т. е. о запрещении кочевки в другие места, отдаче земли под сельхоз участки — так, вот, пользовались ли этим фактическим правом?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я не совсем понял относительно /104/ установления пастбищ. Устанавливается ли это на долгий срок или каждую минуту меняется конфигурация страны?

ПОППЕ: Если бы можно было бы получить краткую и точную формулировку той разницы между определением строя монгольского [феодализма] по Майскому и как Вы это формулируете, так как мне не совсем ясно было, в чем это расхождение.

<ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:>

/105/ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Есть еще вопросы?

КАЗАКЕВИЧ⁷³: Существует ли в этом кодексе указания на феодальные взаимоотношения, которые мы имеем в других местах. Я беру аналогию с французским или другим феодализмом. Можно ли там установить иерархии и т. д.?

СКАЧКОВ: Не говорит ли сборник законов о порядке уплаты налогов?

КОНРАД: Вы указывали на строение первоначального рода до образования империи. В центре стоит немногочисленный владетельный род, а вокруг него домашние вассалы, домашние прислужники. Мне хотелось бы слышать более точное определение, почему Вы их называете крепостными вассалами, какой смысл Вы вкладываете в это и чем они занимаются? Вторые — это домашние прислужники, их характеризует рабская зависимость. Какое отличие между крепостными вассалами и вторыми.

СКАЧКОВ: Вы сначала сказали, что нет определенного участка при кочевке, а потом сказали, что все-таки перекочевка не происходит.

ВЛАДИМИРЦОВ: Участка в форме определенного владения, окруженного забором. Хошуны есть.

КАЗАКЕВИЧ: Как уплачивается налог, если подданный данного хошуна переходит на временное пребывание в другое княжество?

⁷³ Казакевич Владимир Александрович (1896–1937) — монголист, ученик Б. Я. Владимирцова. Сотрудник Монгольского кабинета АМ/ИВ АН СССР с 1929 г.

ВЛАДИМИРЦОВ: Первые два вопроса близки друг другу. В какой мере князья осуществляют право на распоряжение /106/ пастбищами? Тут можно дать определенный ответ, что князья и по этим законам, и на основании практики всегда осуществляют свои права и каждый год не приходится делать указания, что обязательно кочуй, это и так известно. Определенные указания даны. Но во всяких экстренных случаях князья имеют возможность переселять своих подданных. Это на наших глазах происходило неоднократно. Хотя бы в 1912 году, когда торгутский Ван⁷⁴ переселился на китайскую территорию, чтобы не подчиниться монголам. Это феодальный протест.

В кодексе есть указания, особенно при распределении зимовок, феодальный сеньор нойон дает те или иные указания и за это получает даже определенный налог.

Что касается вопроса Николая Николаевича⁷⁵ о том, какая разница между формулировкой Майского и моей, то я должен ответить, что ничего общего между ними нет. По Майскому часть земли находится в общем владении хошунов и формально ею распоряжаются хошуны, т.е. все население. Князья не имеют никакой роли и не имеют <... /107/ ... и не имеют> своих участков, а их скот кочует наравне с другими.

Я же утверждаю не только на основании существующего положения, но и на основании наблюдений Рубрука и на основании этого свода законов, что хозяин юрты является феодальный сеньор, что и осуществляется им в форме распределения кочевания, как распределяют скот свой и в форме экспроприации каждого участка, на который он налагает запрет «хориг»⁷⁶. Конечно фактически, это всегда происходит с совета тех, кто является ему *arrière*⁷⁷ вассалами, со стороны дворянских тайджиев. Это только частные проявления и этого может и не быть в известных случаях.

⁷⁴ Торгутский Ван — неизвестное лицо.

⁷⁵ Николай Николаевич Поппе.

⁷⁶ Хориг (монг.) — букв.: запрет.

⁷⁷ Слово *arrière* вписано от руки. Арьер-вассал (франц.) — свободный человек, находившийся в зависимости не непосредственно от сюзерена, а от зависимого от него сеньора.

Следующий вопрос относительно феодальных отношений и иерархии. Этот кодекс дает огромный материал в этом отношении, и он очень любопытен, так как представляет отличные данные для суждения о том, какую реформу ввели маньчжуры. На основании работ Позднеева было не ясно, что такое «аймаки» и как они образовались.

Но все эти данные основаны на монгольских хрониках Алтан-тобчи и (*пропуск слова*), причем государственный кодекс различает дзасак-нойон[а]⁷⁸ и просто нойон вассала (*arrière*)⁷⁹. У него юрисдикция ограничена, но известный иммунитет он имеет, и этот кодекс представляет драгоценнейший материал, и мы можем по иному оценить политику монгольского правительства.

/108/ Относительно формы уплаты налогов. Что касается формы уплаты налогов, то в данном кодексе данных мало, однако, кое-что все-таки есть. Здесь говорится больше о натуральной повинности, причем приводятся чрезвычайно любопытные расценки, которые нам дают богатый материал.

Затем был вопрос относительно оплаты налогов с лиц, временно находящихся на территории другого хошуна. У монголов той эпохи существовала целая система патроната и был особый термин «туши-чилукчи», что теперь называется (*пропуск слова*), человек, который оказывается в положении пришельца в чужой хошун, остается в вассально подчиненном положении того или другого лица и входит с ним в целый ряд имущественно-правовых отношений. Вот, все эти явления относительно Маньчжурского уложения не были известны, находят свое отражение в этом кодексе.

Теперь относительно рода.

<ВОРОБЬЕВ: Род и племя....>

/109/ ВОРОБЬЕВ: Род и племя Вы берете как различные понимания?

ВЛАДИМИРЦОВ: В ответ на это я могу привести цитату Рашид ад-Дина. На основании «Юань чао би ши» монгольский род опре-

⁷⁸ *jasay-un noyad* [Халха Джижрум, 1965. С. 210] — правящие князья. В их распоряжении находится администрация — *jasay-ud*

⁷⁹ Слово *arrière* вписано от руки.

деляется с такой ясностью, что мы можем привести определенный термин, который был в то время. Если взять свидетельства целого ряда данных, то мы видим, что имелось 30–40–60 аристократических родов. Еще Березин⁸⁰ объяснил, что в степи была такая многочисленная аристократия, что ее хватило на империю Чингис-хана. Аярулетов⁸¹ было всего 15 человек, как же они могли на войну ходить? Род представлял из себя сложную единицу.

Тут была родовая верхушка, которая давала имя своему объединению. Дальше стояли вассалы, я пользуюсь термином крепостные вассалы, Рашид ад-Дин давал термин коренные подданные. Что они не были рабами свидетельствуют то, что они пользовались самостоятельным хозяйством и что из них члены владетельного рода брали себе жен. Чингис-хан одного из таких вассалов называл братом. Часто это бывали пришедшие под защиту рода ввиду своей экономической слабости. Их слабость была в том, что они не имели родовой защиты. Например, они часто были разбросаны. Вот если бы род баяут⁸² [и] джалаир свести вместе, то это было бы целое племя. Они были разбросаны между 30 феодальными /110/ родами. Они являются их сервусом, тем же чем в средневековой Франции. Они были обязаны

кочевать по указаниям своих уруков⁸³, родовой господствующего рода. Господствующий род должен был охранять их стада и кочевать с ними. Тогда при постоянных наездах и драках это было необходимо. Необходимо было кочевать кучами — куренями⁸⁴. Курени по несколько тысяч человек стояли вместе. Они жили наполовину охотой и наполовину скотом. Заставить людей жить вместе — это было основной задачей. Унаган-боол составлял главную массу кочевого населения, которое обслуживало богатый род.

Что касается положения прислужников джалагу⁸⁵ (молодец), то это были захваченные на войне пленные или совершенно обедневшие роды, попавшие в положение крепостной зависимости. Ввиду степных условий этот сорт людей не мог быть многочисленен и во втором поколении они попадали в унаган-боолы. Если отец был в таком положении, то сын его переходит в унаган-боола, а четвертое поколение <... /111/ ...а четвертое поколение> обогатилось и выдало свою дочь за одного из членов главенствующего рода и образует верхушку этого вассального общества.

Вот таким образом строился род.

Объединение ряда таких родовых кланов (за неимением термина, я должен назвать это

⁸⁰ Березин Илья Николаевич (1818–1896) — иранист, тюрколог, монголист.

— Очерк внутреннего устройства Улуса Джучиева. — ТВОРАО. Ч. 8. 1864. С. 387–494.

— Сборник летописей. История монголов, сочинение Рашид-Эддина. [1]. Введение: о турецких и монгольских племенах. Пер. с перс. с введ. и примеч. И. Н. Березина. СПб., 1858 (ТВОРАО. Ч. 5); [то же], перс. текст с предисл. и примеч. И. Н. Березина. СПб., 1861 (ТВОРАО. Ч. 7); [2]. История Чингиз-хана до восшествия его на престол. Перс. текст с предисл. и примеч. И. Н. Березина. СПб., 1868 (ТВОРАО. Ч. 13); [3]. История Чингиз-хана от восшествия его на престол до кончины. Перс. текст в издании И. Н. Березина; рус. пер. с примеч. И. Н. Березина. СПб., 1888 (ТВОРАО. Ч. 15).

⁸¹ Аярулеты — вероятно, арулаты, одно из древнемонгольских племен. Из арулатов был Боорчи-нойон глава войска правой руки Чингис-хана.

⁸² «Так, известно, что люди рода Вауа'уд жили рассеянно, часть их кочевала с Чингис-ханом, а часть с племенем Тайчиут, то же самое известно о поколении джалаир, разные роды, входившие в состав которого проживали разбросанно среди чужих (jad) родов и поколений» [Владимирцов, 2002. С. 358].

⁸³ «Для каждого члена древнего монгольского рода сородич был игих — игиг «потомок, отпрыск данного рода», следовательно, «родственник, родной, сородич» ... Не нужно забывать при этом, что игих'ами считались не только члены данного рода, но и всех родов, кровно связанных между собою происхождением от одного общего предка (ebüge), родов одной кости (yasun)» [Владимирцов, 2002. С. 355]. «Но и кровные родовичи — игих'и, принадлежавшие к одному и тому же роду, тоже не были равными, были среди них бедные и богатые, влиятельные и невлиятельные» [Владимирцов, 2002. С. 365].

⁸⁴ «Кочевавшие обществами обычно передвигались одним табором и останавливались одним становищем. Стойбища такие иногда насчитывали несколько сотен юрт. Стойбища küriyen-güriyen по-монгольски, образовывались из скопления аилов, по-монгольски айул, т. е. кочевых стоянок или кочевых дворов, состоявших из отдельных юрт и телег-кибиток» [Владимирцов, 2002. С. 332].

⁸⁵ «Кроме того, монгольское родовое общество XI–XIII вв. знало и рабов, рабов-служителей; если они и не были рабами, напоминающими рабов у оседлых народов, то все-таки отличались от крепостных «вассалов». Назывались они ötöle bogol или «простые рабы» или jala'u «молодцы». Последнее название лучше всего и объясняет их положение: это были ловкие прислужники в ставках, конюхи, etc.» [Владимирцов, 2002. С. 364].

кланом), монголы называют род «омок»⁸⁶ или «обок», но в понимании определенном — объединение вместе нескольких таких родов в том смысле, что они имеют одного общего предка, или объединенные территориально, или в том смысле, что они съезжаются на «курултаи»⁸⁷ или семейные советы, это уже есть племя или подплемя «ирген»⁸⁸. Если у него является вождь хаан, то это «улус»⁸⁹, и «улус-ирген» и

⁸⁶ «Рашид ад-дин, повествуя о былых временах, отмечает: “Каждая ветвь их (родов. — *Авторы*) стала определена и известна под каким-нибудь именем и прозванием, и стала родом [umaq]” (прим. 325. Или omaq = монг. obaġ-oboġ). Умак есть то, что происходит от определенной кости и колена. Те умаки вторично разветвились”» [Владимирцов, 2002. С. 366].

⁸⁷ «Единство племени выявлялось в племенном совете — хурилтай или хурультай, на котором участвовали главари родов, значительные лица и даже влиятельные вассалы, словом, представители высшего класса древне-монгольского общества. Подобные советы были известны и у отдельных родов; эти родовые или семейные советы родовичей — игих тоже назывались хурилтай-хурультай “сходка, сборище для совета”. В хурилтайе таком невозможно видеть какое-либо организованное учреждение. Это никак ни сейм, ни парламент, это именно семейный совет родовичей, на котором обсуждаются случайно возникшие планы» [Владимирцов, 2002. С. 375].

⁸⁸ «Роды, понимаемые в указанном выше смысле, близкие кровно друг другу, составляли у древних монголов племя или подплемя (поколение), которое называлось ирген. Например, разные роды тайчиут, взятые все вместе, образовывали племя — ирген, то же самое онгираты, в состав которых входили разные поколения, были ирген. Племенем — ирген можно было назвать всех кият-борджигин, разбиившихся на много ветвей, родов, “больших семей”. Конечно, в некоторых случаях, трудно провести строгое различие между родом — обох, который сам являлся величиной сложной, при том часто из разнокровных элементов, как это было показано выше, и племенем — ирген. Татары и керейты тоже были ирген, хотя в состав их входили отдельные племена (ирген), в свою очередь состоявшие из нескольких родов — обох. Племя — ирген было величиной непостоянной и чрезвычайно слабо организованной и сплоченной» [Владимирцов, 2002. С. 375].

⁸⁹ «У древних монголов всякое объединение родов, поколений, племен, рассматриваемое с точки зрения зависимости от вождя, хаана, нояна, тайши, баатура и т. д., называлось ulus, т. е. “народ-владение”, “народ-удел”. ...Ввиду этого, слово ulus может быть переводимо, с известными оговорками, как “удел, владение”; только монголов, как истых кочевников, в понятии этом больше интересуют люди, а не территория: действительно, первоначальное значение слова ulus и есть именно “люди”. Поэтому слово ulus может быть передано и как “народ”, т. е. “народ-удел”, “народ, объединенный в таком-то уделе, или образующий удел-владение”. Впоследствии ulus означает уже “народ-государство”, “народ, образующий государство-владение”, “государство”» [Владимирцов, 2002. С. 393].

«улус» понятия равносильные. Обыкновенно это «ирген», но если у него есть подплемя, то это есть «улус».

Монгольская империя сконструировалась абсолютно так, как род. Во главе — золотой род Чингис-хана, дальше идут его старшие унаган-боголы⁹⁰, и перенесение частнопроводных понятий на государственные прекрасно изображается. Например, нойон болен. Тогда войском правит его жена.

«Аймак» в стране не был известен и появляется это только в XIV веке.

Теперь в Монголии родовой строй забыли все кроме ойрат-калмыков⁹¹ и эхирит-булагат⁹², т. е. тех племен, которые не были затронуты организацией Чингис-хаана. Они термин «обок» и «ясан» сохранили, а /112/ у монголов же начинаются новые, исходящие из территориального единства.

Как толкует Федор Александрович⁹³, «оток» — это согдийское слово, которое означает «территория–страна». И у монголов есть много указаний, что те, кто живет на одной территории, образуют «оток». В этом «отоке» кроме родственных семей или расколовшихся родов, подплемен, есть «аймак».

Аймаки халхаские — откуда это название? Ведь наиболее обращают внимание только на нойонов, а остальные люди идут за ними как скот. Он говорит: «Всякое имущество князя — эд бара улус мал, т. е. имущество, скот и люди, т. е. подданные. Родоначальник четырех монгольских «аймаков» такое-то лицо. Конечно, не всех халхасов, но только княжеской семьи и перенесение понятие аймака на все население неправильно.

Теперь <.../113/ ...теперь> часто на почве территориального единства в отоках образовались вторичные роды. Отоки поставленные в изолированное положение начинают считать себя родом. Часто между ними появ-

⁹⁰ То же, что и унаган-боол, см. сн. 48.

⁹¹ Ойрат-калмыки — западные монголы.

⁹² Эхирит-булагаты — западные, предбайкальские буряты.

⁹³ Розенберг Федор Александрович (1867–1934) — российский и советский востоковед-иранист, член-корреспондент АН СССР (1923).

ляется такая тесная связь, что они начинают себя считать родственниками и подымается вопрос об экзогамии. Это редкое явление. Обыкновенно такого брака мы не встречаем, кроме отдельных родов ойратов и эхирит-булгатов.

Чингис-хан, который не шел дальше мировоззрения атаманской разбойничьей шайки (с точки зрения оседлого жителя — это была разбойничья шайка), наносит сам страшный удар родовому принципу. Он всецело опирался на нукерство. А если это было так, то он должен был перемешать род, а раз он перемешал роды, то они разложились с невероятной быстротой. В уюде живой силе он построил эту организацию и разложил то, что он клал в основу государственной деятельности. Он подрубил свой собственный сук, но создал себе империю. Это явление чрезвычайно характерно.

ВОРОБЬЕВ: Какое изменение в феодальные отношения внесено маньчжурским правительством путем организации знаменных войск?

КАЗАКЕВИЧ: Вы пользуетесь методом аналогии с европейскими правительствами. Скажите, что империя Чингис-хана в своем развитии очень близко напоминает империю Карла Великого в темный период развития феодализма /114/ в IX–X веке в Европе.

ВЛАДИМИРЦОВ: Что касается знаменных войск, то на этот счет никаких указаний в кодексе нет. Я, надо сказать, специально этим вопросом не занимался.

Что касается образования знаменных войск, то я считаю, что это был акт, удобный маньчжурскому правительству. Благодаря этому, маньчжурское правительство ослабило опасность монгольских групп чахарских⁹⁴ групп. Это коренной удел монгольского великого хана. Получается период расслоения, когда появилось много ханов. Имеется сочи-

нение монгола Болор-толи⁹⁵ и китайские материалы. Это маньчжурская транскрипция, переведенная Липовцевым⁹⁶. Там говорится о том, что чахарский хан — великий хан Монголии. <Маньчжурское правительство... /115/...> вот Маньчжурское правительство оделило родовую аристократию из Чахарского улуса и укрепило свои знаменные войска. Однако этот вопрос требует еще дальнейшей, детальной, проработки.

В своей работе я старался избегать всяких исторических параллелей, потому что считаю, что здесь, как и в области философии, параллели являются часто только кажущиеся, и когда Вы посмотрите детально, то окажется совсем другое. Иногда для удобства изложения можно ссылаться на то, что вот такое-то явление похоже на такое-то и т. п. Я согласен, например, что эпоха Чингиса — это начало феодализма, имеет сходство с эпохой Карла. Второй период — это расцвет феодализма и, начиная с XVII века, падение его. Я на эти группы и делю и не думаю, чтобы можно было делить на династийные и другие. Мне рисуется именно так: зарождение феодализма, его расцвет и падение.

⁹⁵ Болор-толи («Хрустальное зеркало») — монгольская летопись, составленная в 1835–1838. Рукопись в 3 томах. Считалась анонимной, но в 1959 монгольским ученым Х. Пэрлээ было высказано предположение, что «Болор толи» была написана рабджембой Джамбадоржи который был да-ламой монастыря Туйлун-хамгалагч. Монастырь находился на юге среднего Уратского хошуна, близ хошуна Далат в Ордосе. Летопись была составлена по заданию князя этого хошуна, дзасака Лавранринчина, ставшего правителем хошуна в 1831 г. Охватывает период монгольской истории, начиная с к. XII в. и заканчивая 1820 годами, содержит энциклопедические знания о странах Европы и включает ряд новшеств для традиционной монгольской историографии. Отражает официальную проманьчжурскую точку зрения на историю монголов. Интерес представляет 3-й том, где изложена история монголов с древнейших времен до 1827 и содержатся сведения по XVII–XVIII вв., не встречающиеся в других летописях.

⁹⁶ Липовцев Степан Васильевич (1770–1840) — российский востоковед, член-корреспондент Петербургской Академии наук по отделу восточных литератур и древностей. Закончил Казанскую духовную семинарию в 1789 г. Работал в Азиатском департаменте. Перевел с маньчжурского «Уложение Китайской палаты внешних сношений» (СПб, 1828).

⁹⁴ Чахары — монголоязычный народ, проживающий в автономных районах КНР: Внутренняя Монголия и Синьцзян-Уйгурский АР. Согласно Г. Й. Рамстедту, чахарский диалект монгольского языка принадлежит южномонгольской группе восточномонгольских наречий.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: На этом мы закончим наши обсуждения на сегодня.

Как только у нас на руках будет текст, мы сообщим об этом тем лицам, которые пожела-

ют участвовать в дальнейшем обсуждении заслушанного сегодня доклада и назначим день, когда можно будет устроить, с согласия Бориса Яковлевича, следующее наше заседание.⁹⁷

Архивные источники

Стенографический отчет. Доклад академика Владимирцова «Памятники монгольского права как

материал монгольского феодализма» (СПбФ РАН. Ф. 152. Оп. 1а. Д. 205. Л. 67–115).

Использованная литература

Владимирцов 2002: Владимирцов Б. Я. Ответственный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм // Работы по истории и этнографии монгольских народов. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002. С. 295–488.

Vladimirtsov B. Ia. Obshchestvennyi stroi mongolov. Mongol'skii kochevoi feodalizm [The social structure of the Mongols. Mongolian nomadic feudalism] // Raboty po istorii i etnografii mongol'skikh narodov. Moscow: Izdatel'skaia firma "Vostochnaia literatura", 2002. P. 295–488.

Владимирцов 2002а: Владимирцов Б. Я. Монгольское онгнигуд — феодальный термин и племенное название // Работы по истории и этнографии монгольских народов. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002. С. 289–294.

Vladimirtsov B. Ia. Mongol'skoie ongnigud — feodal'nyi termini pl'emnoie nazvaniie [Mongolian ongnigud — a feudal term and a tribe name] // Raboty

po istorii i etnografii mongol'skikh narodov. Moscow: Izdatel'skaia firma "Vostochnaia literatura", 2002. P. 289–294.

Халха Джирум 1965: Халха Джирум. Памятник монгольского феодального права XVIII в. Сводный текст и перевод Ц. Ж. Жамцарано. Подготовка текста к изданию, редакция перевода, введение и примечания С. Д. Дылыкова. М.: «Наука», Главная редакция Восточной литературы, 1965.

Khalkha Zhirum. Pam'atnik mongol'skogo feodal'nogo prava XVIII v. Svodnyi tekst i perevod Ts. Zh. Zhamtsarano. Podgotovka teksta k izdaniyu, redaktsiia perevoda, vvedeniie i primechaniia S. D. Dylykova [Monument of XVIII cent. Mongolian feudal law. Unified text and translation by C. J. Zhamtsarano. Preparation of the text for publication, editing of the translation, introduction and notes by S. D. Dylykov]. Moscow: "Nauka", Glavnaya redaktsiia vostochnoi literatury, 1965.

⁹⁷ Сведений о таком заседании в архиве не найдено.

UNPUBLISHED REPORT BY ACADEMICIAN B. Ya. VLADIMIRTSOV (1931)

Tatiana D. SKRYNNIKOVA, Natalia S. YAKHONTOVA
Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences

In the Archive of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg branch) there was accidentally found a typewritten transcript of academician B. Ya. Vladimirtsov's report "Monuments of the Mongolian law as a material for Mongolian feudalism study". It is preserved among 1931 year materials of the Sector of History and Economics (Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences). The report was presented on April 24, 1931 at a meeting of the Sector. The Institute of Oriental Studies was a transformation of the Asian Museum which took place in 1930. The new institution had to change former tasks radically. Much attention was paid to the study of the history of pre-capitalist formations in the East on the basis of Marxist methodology and the work of the Sector was concentrated on this topic. On the one hand, in 1930–1931 B. Ya. Vladimirtsov accomplished the translation and preparation for publication of the monument of Mongolian law — Khalkha Jirum. This is confirmed in his record in February 1931 and the report he made is his summary on the work done. On the other hand, he judged Khalkha Jirum from the point of view of its significance for the study of Mongolian feudalism. Such attitude could be caused by the need to take into account the new ideological requirements of the time, but not the position of a scientist. The answer to this question is given in the report. There Vladimirtsov mentions his presentation on the Mongolian feudalism at

a meeting of the Faculty of Oriental Languages at St. Petersburg University much earlier in 1914. At that time Vladimirtsov's ideas were critically received, but he did not leave behind the intention to prove the existence of feudalism among the Mongols, which resulted in the reparation of his work on Mongolian nomadic feudalism. The main subject of the report by B. Ya. Vladimirtsov is the answer to the questions: "To what socio-economic formation does the system that collapsed before our eyes in Northern Mongolia belong? To what extent can the Mongolian system be called feudal?" To prove that the Mongol empire of Genghis Khan was a feudal one he cites the materials from the Mongolian law document — "The Code of Mongol-Khalkha Laws of the Three Khoshuns", as well as from other sources ("The Secret History", Rashid ad-Din's chronical, notes of European travelers). According to him, the sources of the XVII cent. "falsified history", but the code of laws — "The Code of the Mongol-Khalkha laws of the Three Khoshuns" can serve as a reliable evidence of the evolution of the social system. B. Ya. Vladimirtsov provides examples from the Code that from his point of view prove the existence of feudal relations in Mongolia. He is sure that as early as 17 c. the process of decay of Mongolian feudalism started and it was assisted by the Manchu government.

Key words: B. Ya. Vladimirtsov, Mongolia, social system, feudalism, Khalkha Code of Laws, Khalkha Jirum.

About the authors:

Tatiana D. SKRYNNIKOVA, D. Sci. (History), Professor, Head of the Department of Central Asian and South Asian Studies, Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation). (skryta999@mail.ru) ORCID 0000-0002-0674-2764.

Natalia S. YAKHONTOVA, Cand. Sci. (Phylology), Associate Professor, Section of Central Asian Studies, Department of Central Asian and South Asian Studies, Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation). (nyakhontova@mail.ru) ORCID 0000-0002-0674-2764.